

ЛЕГЕНДЫ И РЫЦАРСКИЕ ПРЕДАНИЯ БРЕТАНИ

Льюис
Спенс

Раздался звук труб, и оба рыцаря понеслись друг на друга в неистовой ярости. Они окружили, подобно орлам, ожидая подходящего для удара момента. Один удар, второй, — и по их блестящим доспехам потекла кровь.

◀ История Абельяра и Элоизы
в бретонском фольклоре превратилась
в легенду о магии.

Льюис Спенс

Легенды и рыцарские предания Бретани

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=613295

Легенды и рыцарские предания Бретани: Центрполиграф; Москва; 2009

ISBN 978-5-9524-4339-6

Аннотация

Известный исследователь фольклора Льюис Спенс собрал в этой книге старинные истории о рыцарях, королях и святых, которые уводят читателя в вечную страну мифов. Увлекательные легенды о корриганах, гориках, нэнах, об эльфах и духах, обитающих в лесах, таинства черной магии соседствуют здесь с наиболее популярными легендами о короле Артуре, преданиями о великих воинах и защитниках. Поистине находкой автора оказалась идея наполнить повествование фактами из бретонской истории, сведениями о старинных памятниках и народных традициях, что очень украсило книгу, сделало ее еще более познавательной и интересной.

Содержание

Предисловие	4
Страна, люди и их история	7
Менгиры и дольмены	37
Эльфы и демоны Бретани	108
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Льюис Спенс

Легенды и рыцарские предания Бретани

Предисловие

Несмотря на то что фольклорные истории и легенды Бретани тщательно изучались жившими там учеными и коллекционерами, они ни разу не были представлены зарубежной публике в популяризованной форме. Вероятная причина такого непозволительного упущения со стороны большинства писателей, занимающихся популяризацией легенд, может заключаться в том, что многие бретонские фольклорные рассказы удивительно похожи на аналогичные истории других народов, а подчас и друг на друга.

Но не нужно забывать о том, что литературное наследие народа состоит не только из его сказок. Баллады, которые пели эти люди, рассказы о героях, появлявшиеся в различные периоды истории, их легенды (если этот термин использовать в правильном значении), более литературные сочинения их романистов, представления о сверхъестественном, истории о древних зданиях и замках – все это входит в понятие «фольклор». Поэтому я выбрал для своей книги те

из многочисленных сочинений, которые, на мой взгляд, позволят читателям сформировать всестороннее представление об истории Бретани. По этой же причине я включил в это сочинение рассказы о древних каменных памятниках страны и описания самих этих сооружений. Циклу легенд о короле Артуре, а в особенности тем из них, которые связаны с Бретанью, я посвятил отдельную главу. Кроме того, я посчитал необходимым, рассказывая о Бретонской земле, уделить внимание лэ (рифмованным двустишиям. – *Пер.*) Марии Французской. Пересказу историй о святых, которыми изобилует бретонская литература, также отведена отдельная глава. Материалом для нее я обязан мисс Хелен Маклеод Скотт, которой удалось сохранить в своем сердце дух кельтов. Несколько разделов я посвятил черной магии Бретани, а также эльфам и духам, обитающим на своих торфяниках и в лесах. Не остались без внимания и истории о великих воинах и защитниках. Для того чтобы помочь читателю почувствовать дух Бретани и воспринять пересказы ее историй без ощущения, будто он столкнулся с повествованием о народе, о котором ему ничего не известно, я привел в этой книге небольшое описание природы и истории Бретани.

Я старался познакомить публику с настоящим бретонским фольклором, то есть выбирать те истории, которые были популярны у местных крестьян. Поэтому рассказы для этой книги почерпнул из работ Гедоза, Себийо и Люзеля. Перед вами не переводы оригинальных текстов, а их адапти-

рованный пересказ. То, что между бретонскими народными сказками есть большая разница, заметно в любом сборнике, но я хотел, чтобы моя книга не была утомительной, поэтому у меня не возникало трудностей с подбором материала – весь он очень интересен. Большую часть этих сказок в 80-х годах XIX века записали бретонские фольклористы. Дальновидность и здравый смысл, которыми отличается большая часть комментариев редакторов к этим историям, рассказанным местными крестьянами и рыбаками, делают их особенно примечательными. Я не могу дать читателю гарантию того, что эта книга – верх совершенства, однако стремился к тому, чтобы породить интерес к истории Бретани и направить молодых ученых в область, в которой их исследования, несомненно, будут щедро вознаграждены. Если мне удастся выполнить это, я не буду сожалеть о том, что напрасно потратил силы и время.

Льюис Спенс

Страна, люди и их история

Романтическая область, по которой мы будем путешествовать в поисках легендарных сокровищ, в древние времена называлась Арморика. Это романизированный вариант кельтского имя Армор («на море»). Современная Бретань разделена на департаменты Финистер, Морбиан, Кот-д'Армор, Иль-и-Вилен и Кот-дю-Норд. В народе Бретань принято делить на Верхнюю, или Восточную, и Нижнюю, или Западную. Вместе все эти части занимают площадь примерно 13 130 квадратных миль (27 208 квадратных километров. – *Пер.*).

Регионы Бретани, расположенные недалеко от побережья, значительно отличаются от внутренних областей, где преобладают возвышенные плато, покрытые унылыми и неплодородными вересковыми пустошами. Иногда на этих плато встречаются немногочисленные холмы. Они относительно невысоки, но из-за диковатых и неровных склонов кажутся намного выше, чем в действительности. Береговая линия изрезанная, ломаная и довольно унылая. Она обрамлена далеко выдающимися рифами и изрезана устьями впадающих в море рек. В южной части Бретани располагается так называемое побережье Эмеральд, климат которого по сравнению с другими регионами кажется субтропическим – воздух здесь спокойный, а сам регион красивый и плодородный. Но

это исключение. Бретань – область не защищенных от ветра берегов и серого моря, бесплодных вересковых пустошей и однообразного горизонта. Именно в таких местах, вдалеке от оживленных поселений, появляются настоящие легенды, а изгнанные древние духи могут найти последнее прибежище.

В происхождении народа, населявшего этот полуостров, у исследователей нет никаких сомнений. Если мы попытаемся использовать слово «кельты» для описания многочисленных племен, попавших под влияние одного определенного культурного типа, память об истинных создателях которого сохранилась в фольклоре, перенятом у них жителями этих мест и адаптированного последними под себя еще в доисторические времена, тогда бретонцев, без всякого сомнения, можно будет назвать «кельтами», говорящими на языке, известном как кельтский, хотя и требующем отдельного названия, придерживающимися ритуалов, имеющих все признаки «кельтских», и обладающими внешними признаками, по которым антропологи вплоть до недавнего времени определяли принадлежность того или иного человека к расе «кельтов», – небольшими круглыми черепами, смуглым цветом лица, а также голубыми или серыми глазами. Однако следует вспомнить, что кельтами, помимо бретонцев, называют светло– или рыжеволосых шотландских горцев, темноволосых уэльсцев и длинноголовых ирландцев. Но бретонцы обладают таким уникальным обликом, что современные ан-

тропологи считают их потомками «альпийской» расы, представители которой в эпоху неолита обитали в Центральной Европе и у которой, вероятно, были далекие монголоидные предки. Эти люди расселились практически по всей Европе и позднее в некоторых ее областях переняли у кельтской аристократии язык и обычаи.

Довольно примечательно, что это кельтское влияние, реальная история которого затерялась в глубине веков, проявилось не только в языке, но и в культуре и мировоззрении попавшего под него народа. Подчинить своему влиянию целый народ – это всегда практически невыполнимое задание. Для того чтобы завоеванный народ перенял язык победителя, требуется определенный расовый такт и четкая цель. Но чтобы гарантировать усвоение мировоззрения победителей завоеванным народом и его сохранение на века, так чтобы люди различного происхождения придерживались одного и того же мнения, образа мыслей, манеры выражаться, обладали даже похожим внешним обликом, как у бретонцев, некоторых французов, уроженцев Корнуолла, уэльсцев и горцев, завоеватель должен обладать неизменной силой, на владение которой не могли претендовать даже римляне или обитатели какой-либо другой мировой империи.

Но кельтская цивилизация не была единой. В конце доисторического периода кельтский язык разделился на два диалекта, которые впоследствии обзавелись всеми признаками двух отдельных языков, происходящих из одного источни-

ка. Это гэльский язык, на котором говорят жители Шотландии, Ирландии и острова Мэн, и бретонский, язык обитателей Уэльса, Корнуолла и Бретани.

Бретонский язык

Brezhoneg, бретонский язык Бретани, несомненно, представляет собой язык, на котором говорили кельтские эмигранты, бежавшие из Великой Британии в Малую, чтобы не оказаться под властью захватчиков-саксов. Именно они дали Арморике, в которой поселились, название покинутой ими страны. В древнейшие времена бретонцев невозможно было отличить от уэльсцев. Бретонский язык I–XI веков получил название «старобретонский». «Среднебретонский» язык был распространен в XI–XVII веках, после чего стал использоваться «новобретонский». Эти этапы более или менее четко характеризуют изменения, произошедшие в языке из-за того, что в нем все заметнее стала проявляться примесь французского. Авторы, работы которых посвящены этой теме, различают несколько диалектов бретонского языка, но наиболее заметны различия между ваннским диалектом и теми, на которых разговаривают жители других регионов Бретани. Эти отличия появились не раньше XVI века.

Обитатели древней Арморики

Первым письменным источником, освещающим историю Бретани, стал трактат Юлия Цезаря. В те времена Арморика была населена пятью основными племенами: намнитами, венетами, осисмиями, куриосолитами и редонами. Они стойко сопротивлялись вторжению римлян, но в конце концов были покорены, причем иногда принадлежавших к этим племенам людей толпами продавали в рабство. В 56 году до н. э. венеты сбросили римское владычество и захватили двух военачальников Цезаря, сделав их своими заложниками. Тогда Цезарь лично отправился в Бретань, но быстро понял, что не может продвинуться дальше, так как ему мешал сильный флот, состоявший из лодок-плоскодонок, плавучих крепостей, которыми венеты очень умело управляли. Корабли в спешке строили на водах Луары. После этого, вероятно в заливе Морбиан, произошло отчаянное морское сражение, закончившееся поражением венетов, ставших жертвами военной хитрости римлян, которые срезали снасти противника при помощи серпов, привязанных к длинным шестам. Члены совета, правившего захваченным племенем, были приговорены к смерти в наказание за то, что они так долго сопротивлялись, а многих их соплеменников вывезли на рабские рынки Европы.

Между 450 и 500 годами н. э., когда власть римлян стала

ослабевать, а сами они начали уезжать из Галлии, в Арморик на многочисленных судах прибыли беглецы из Британии. Эти люди, бежавшие от захвативших их земли варваров: саксов, пиктов и скоттов, искали убежище в области, где обитал родственный им народ, не подвергнувшийся вторжению. В своей монографии «История завоевания Англии нормандцами» Тьерри пишет: «По разрешению древних обитателей этих мест, принявших их как братьев того же происхождения, новые жители расселились по всему северному побережью, вплоть до небольшой речки Кесорон, а на юге – до территории, занимаемой поселением венетов, которая в настоящее время называется Ванн. В этой части страны они создали подобие отдельного государства, в которое вошли небольшие прибрежные поселения. При этом такие крупные города, как Ванн, Нант и Ренн, оказались за пределами этого образования. Благодаря росту численности населения в этой западной части страны и тому, что на ограниченном пространстве оказалось огромное количество людей кельтского происхождения, носителей кельтского языка, эти люди не подверглись влиянию латинского языка, который, в более или менее искаженной форме, стал доминировать в остальных областях Галлии. Этот регион стал впоследствии называться Бретанью, а названия отдельных племен исчезли. В то же время остров, который ранее носил это имя, стал называться в честь народов, захвативших его, – саксов и англов, или, иначе говоря, Англией».

Самсон

Одним из эмигрантов из Британии был святой Самсон, который вознамерился обратить языческую Бретань в христианство. Он был родом из Пемброкешира. По легенде, его отец, у которого долгое время не было детей, построил менгир из чистого серебра и отдал его бедным, надеясь, что благодаря этому деянию у него появится сын. Его желание сбылось, и у него действительно родился сын, Самсон, о котором идет речь. Он стал одним из величайших церковных миссионеров. В обществе сорока монахов он пересек Канал и, причалив к берегам залива Сен-Бриё, попал в дикие и пустынные места.

Когда киль его галеры уперся в сушу, святой увидел мужчину, который сидел на берегу, у дверей бедной хижины, и знаками пытался привлечь его внимание. Самсон подошел к этому прибрежному жителю. Тот взял его за руку, завел в свое жалкое обиталище и показал жену и дочь, охваченных болезнью. Самсон ослабил их боль, и тогда их супруг и отец, который, несмотря на свой жалкий вид, был главой всей соседней области, подарил ему расположенный неподалеку участок земли. Здесь, недалеко от почитаемого менгира, расположенного вблизи Дола, он вместе со своими монахами построил кельи. Вскоре рядом с древним капищем была сооружена часовня, которая позднее превратилась в

огромный собор.

Телио, британский монах, с помощью святого Самсона вырастил рядом с Долом фруктовый сад протяженностью три мили. По легенде, именно он первым привез в Бретань яблоневые деревья. Куда бы ни отправлялись монахи, они везде возделывали почву, повторяя слова апостола: «Тот, кто не работает, не должен есть». Люди восхищались усердием чужеземцев, и восхищение заставило их поступать так же, как и монахи. Крестьяне стали пахать вместе с ними, и даже разбойники, жившие на холмах и в лесах, стали землепашцами. «Крест и плуг, труд и молитва» – вот девиз этих первых миссионеров.

Воск в обмен на вино

Монахи Дола, согласно истории, рассказанной графом Монталембертом в его книге «Монахи Запада», были знаменитыми пчеловодами. Однажды, когда святой Самсон из Дола и святой Жермен, епископ Парижа, разговаривали о преимуществах своих монастырей, святой Самсон сказал, что его монахи так хорошо и тщательно ухаживают за своими пчелами, что, помимо меда, который последние вырабатывают в больших количествах, получают воска больше, чем за год уходит на производство церковных свечей, но, так как климат в их местности непригоден для выращивания виноградов, у них очень мало вина. Услышав это, святой Жер-

мен ответил: «Мы, наоборот, делаем вина больше, чем можем выпить, но воск нам приходится покупать. Так что, если ты будешь поставлять нам воск, мы станем привозить тебе десятую часть нашего вина». Самсон принял это предложение, и их взаимное соглашение оставалось в силе, пока были живы оба святых.

В Арморике были образованы два королевства бриттов – Домнония и Корнубия. В состав первого входили земли Кот-д'Армора и Финистера, севернее реки Элорн. Корнубия, или Корнуолл, как сейчас называется эта местность, располагалась ниже этой реки, а ее южная граница пролегла у реки Элль. Первоначально оба этих государства платили дань королям Британии, но, когда власть последних окончательно была сброшена, они стали независимыми королевствами.

Видение Джуд-Хаэля

В удивительной истории о периоде переселения говорится о происходившем из Уэльса правителе Бретани Джуд-Хаэле и знаменитом британском поэте Талиесине. Сразу после приезда Талиесина в Бретань Джуд-Хаэля посетило примечательное видение. Во сне он увидел высокую гору, на вершине которой стояла большая колонна, глубоко закопанная в землю. Ее основание было сделано из слоновой кости, а стержень возвышался в небесах. К нижней части из прекрасно отшлифованного железа были прикреплены кольца

из того же металла, с которых свисали латы, шлемы, пики, метательные копья, щиты, трубы и многие другие предметы, используемые в сражениях. На верхней части из золота висели канделябры, курильницы, епитрахили, потиры и прочие предметы, предназначенные для богослужений. Пока князь стоял, восхищаясь красотой колонны, небеса отверзлись, с них спустилась девушка удивительной красоты, которая тотчас же подошла к нему.

– Приветствую тебя, о Джуд-Хаэль, – сказала она. – И передаю тебе на хранение эту колонну и все, что она поддерживает.

Произнеся эти слова, она исчезла.

На следующее утро Джуд-Хаэль рассказал свой сон, но, подобно древнему Навуходоносору, он не смог найти никого, кто сумел бы растолковать это видение, поэтому он обратился к поэту Талиесину, как его предшественник – к Даниилу. По легенде, Талиесин в ту пору покинул свою родную Британию, отправившись в изгнание, и жил на берегу моря. К нему пришел посланник Джуд-Хаэля и произнес:

– Ты, тот, кто может правильно истолковать все непонятное, услышь и объясни странное видение, которое явилось моему господину.

После этого он пересказал знаменитому поэту сон Джуд-Хаэля.

Какое-то время мудрец сидел, глубоко задумавшись, а затем ответил:

– Твой хозяин правит мудро, о посланник, но у него есть сын, царствование которого будет еще более счастливым. Он станет одним из величайших людей Бретонской земли. Сыновья, произошедшие от его чресл, станут предками могущественных графов и благочестивых священнослужителей, но сам он, величайший из людей своего народа, станет в первую очередь отважным воином, а позднее – могущественным защитником небес. Свою юность он отдаст служению миру, а вторую половину жизни посвятит Богу.

Пророчество Талиесина полностью сбылось. Джудик-Хаэль, сын Джуд-Хаэля, исполнил его. Он славно правил страной, а потом стал священником.

Талиесин

Талиесин («сверкающее чело») стал пользоваться большой популярностью в середине XII века. Тогда, как и впоследствии, он, если не считать Мерлина, был самым известным персонажем-поэтом бесчисленного множества историй о рыцарях. Считается, что он был сыном поэта Хенвига или святого Хенвига из Керлеонана-Уске. По легенде, он учился в школе Каттвига, в Ллантвите, расположенном в долине Гламорган. Там его одноклассником был историк Тильда. Когда Талиесин был ребенком, его захватили ирландские пираты, но он сумел бежать от них при помощи деревянного щита, который ему удалось найти на корабле. По крайней

мере, такое объяснение дают этому событию ученые, критически проанализировавшие более поздний пересказ этой истории. Он попал в запруду, где ловил рыбу Эльфин, один из сыновей Уриена. Последний сделал его учителем Эльфина и подарил земельный надел. Затем Талиесин был представлен ко двору этого великого военного вождя и стал его придворным поэтом, участвуя вместе с ним в военных кампаниях и восхваляя его победы. Он воспел победы над Идой, королем Нортумбрии, при Аргоеде (около 547 г.), при Гвенн-Эстраде (между 547 и 559 гг.), при Менао (примерно в 559 г.). После смерти Уриена Талиесин стал придворным поэтом его сына Оуайна, от руки которого пал Ида. После смерти всех сыновей Уриена Талиесин отправился оплакивать падение рода своего покровителя в Уэльс. Он умер в Бангоре, расположенном на реке Тейви, в Кардиганшире. Его похоронили под каирном (грудой камней, насыпанных над погребением. – *Пер.*) недалеко от Аберистуита.

Слепой Херве

В том, что Талиесин жил в Бретани в VI веке, нет ничего невероятного. Многие другие поэты находили прибежище на берегах Малой Британии. Среди них был и Киварнион, женившийся на бретонской друидессе. У него родился сын по имени Херве, который был слеп от рождения. Передвигаться ему помогал волк, обращенный им в христианство (!).

Помимо всего прочего, мальчик заставил его служить церкви. Херве, в ту пору еще ребенка, оставили на ферме дяди, который должен был за ним присматривать. Однажды мимо него пробежал пахарь, кричащий, что к ним забрался злой волк, убивший осла, на котором он пахал. Увидев, что зверь подбирается к пяткам ребенка, мужчина стал умолять Херве бежать. Но тот бесстрашно повелел испуганному работнику схватить волка и впрячь его в плуг при помощи ремней мертвого осла. С тех пор зверь стал жить вместе с овцами и козами на ферме и питался только сеном и травой.

Номиноэ

В конце V века в Бретань стали прибывать толпы ирландцев из Оссори и Вексфорда. Они расселялись вдоль западного и северного побережий региона. Переселенцы из Великой Британии сумели стать графами Ванна, Корнуолла, Леона и Домнонии. Именно из этих людей сформировалась местная могущественная аристократия. Впоследствии они начали длительную тяжелую борьбу с франкскими королями, которые номинально правили Бретанью. Людовик Благодетель поставил местного правителя Номиноэ во главе провинции, благодаря чему в ней долгое время царил мир. Но в 845 году Номиноэ выступил против Карла Лысого, победил его и заставил признать независимость Бретани, а также отменить ежегодную дань, которую область должна была платить

в королевскую казну. Это событие описано в балладе, переданной Вильмарке. Подобно Макферсону, который слишком хорошо «восстановил» фрагменты поэм Оссиана, Вильмарке чересчур свободно обращался с собранным им материалом. Из-за этого многие критики считают поэму о Номиноэ, на авторство которой он претендует, фальсификацией. Однако я сошлюсь на нее хотя бы потому, что в ней замечательно вырисован образ древнего бретонского правителя.

В поэме описывается, как пожилой вождь ждет на холмах Реца своего сына, который повез в Ренн дань франкам. С собой он забрал множество колесниц с лошадьми, но, несмотря на то что с момента его отъезда прошло уже много времени, он не возвращается. Вождь взбирается на вершину холма, пытаясь рассмотреть вдали силуэт своего сына, но длинная белая дорога и обрамляющие ее унылые торфяники пусты, и ничто не предвещает возвращение юноши.

Встревоженный отец замечает купца, медленно идущего по дороге, и окликает его:

– Эй, добрый купец, ты прошел всю землю от края до края. Не слышал ли ты что-нибудь о моем сыне Каро, отправившемся с колесницами, груженными данью, в Ренн?

– Увы, владыка! Если твой сын отправился сопровождать дань, то ты напрасно ждешь его. Франки решили, что ты мало им заплатил, и положили его голову на весы вместе с твоей данью.

Отец в ужасе смотрит на говорившего, качается и падает

на землю, издав пронзительный крик:

– Каро, мой сын! Мой несчастный Каро!

Картина меняется, и перед нами крепость Номиноэ. Мы видим, как ее хозяин возвращается со своими собаками с охоты, неся добычу. В руке он держит лук, а через плечо переброшена туша кабана. Красная кровь стекает из рта чудовища, капая на руку Номиноэ. Его встречает престарелый, почти обезумевший правитель, которого последний вежливо приветствует.

– Здравствуй, честный горец! – говорит он. – Какие новости? Зачем ты пришел к Номиноэ?

– Я пришел за справедливостью, владыка Номиноэ, – отвечает пожилой человек. – Есть ли Бог на небе и правитель в Бретани? Я знаю, что все мы ходим под Богом, и верю, что на Бретонской земле правит справедливый герцог. Могучий правитель, начни войну против франков и позволь нам отомстить за Каро, моего сына, Каро, убитого и обезглавленно-го варварами-франками. Они положили его голову на весы, чтобы поразвлечься.

Пожилой мужчина плачет, и слезы стекают по его спутанной бороде.

Тогда Номиноэ поднимается и в гневе произносит:

– Головой этого кабана и стрелой, убившей его, клянусь, что не смою эту кровь с руки до тех пор, пока не освобожу страну от врагов.

После этого Номиноэ отправился на побережье, чтобы на-

брать гальки, которую решил привезти лысому королю вместо дани. Прибыв к воротам Ренна, он потребовал, чтобы их открыли, ибо он привез королю дань чистым серебром. Ему предложили войти в замок и оставить колесницы во дворе. При звуке горна его попросили помыть руки перед едой (древний обычай), но он отказался, заявив, что хочет сразу отдать дань. Мешки взвесили, и последний оказался легче остальных на несколько фунтов.

– Ха! Что это? – закричал кастелян франков. – Этот мешок легче, чем положено, господин Номиноэ.

Тот выхватывает из ножен свой меч, и голова франка слетает с плеч. Затем, схватив ее за забрызганные кровью волосы, правитель бретонцев бросает ее на весы. Его воины заполнили двор и вскоре захватили весь город. Так Номиноэ отомстил за юного Каро!

Ален Кривая Борода

В конце IX – начале X века произошло вторжение норманнов. Несколько раз их заставляли отступить Саломон, Ален, граф Ванна, но именно Ален по прозвищу Кривая Борода, или Ален Лис, одержал над ними решающую победу. Именно благодаря этому в древности в честь его была сложена баллада. Вильмарке записал ее со слов крестьянина, старого солдата, служившего под началом одного из лидеров шуанерии (крестьянской войны. – *Пер.*) Жоржа Кадудалья.

В молодости Ален был одним из лучших охотников. В лесах родной Бретани он стрелял медведей и кабанов. Это занятие, которое было для него в основном спортом, развило в нем храбрость, пригодившуюся ему тогда, когда он выступил против врагов своей страны, ненавистных норманнов.

Объединив бретонцев, скрывавшихся в лесах или прятавшихся в горных крепостях, он повел их против врага, которого ошарашил тем, что его силы появились рядом с Долем посреди ночи. Благодаря этой военной хитрости Алену удалось перерезать почти всех норманнов. После этого сражения скандинавских захватчиков в конце концов вытеснили с территории Бретани, а самого Алена в 937 году короновали. Вольный перевод этой баллады выглядит примерно так:

О, как остр его мстящий меч!
Он не падает на скалу и не порастает мхом,
Но на кольчуге врага саксов
Сверкает, подобно удару молнии.
Я видел, что бретонцы умеют обращаться с цепями,
Градом разбрасывая остистое сено.
Но свои железные цепи они обращают
Против грубого саксонского щита.
Я слышал, как призывы к победе раздавались
От Михайловой горы до реки Элорн,
И слава Алена летит так же быстро
От церкви Гильды до всех берегов.
Пусть его благородство никогда не умрет,
Пусть оно живет вечно!

Но скорбь моя, которую я никогда
Больше не выскажу, лежит на берегах Армора,
Потому что низкая рука сакса вырвала
Мой язык из моего несчастного рта.
Но если мои уста никогда не заговорят
О славном имени нашего Алена,
Мое сердце всегда будет петь хвалу тому,
Кто выиграл битву и носит лавровый венок!

Саксы, о которых говорится в этой поэме, не кто иные, как норманны, которые говорили на прагерманском языке, и, следовательно, кельтоязычным бретонцам казалось, будто они союзники говоривших на языке той же группы франков.

Бретонцы и норманны

Во второй половине X и на протяжении почти всего XI века правители Ренна практически полностью захватили власть над территорией Бретани, которая стала распадаться, по примеру страны франков, на графства и сеньории. В 992 году Жоффруа, сын Конана, графа Ренна, принял титул герцога Бретани. Он женился на норманнской девушке из знатной семьи, родившей ему впоследствии двоих сыновей – Алена и Эдо, младший из которых получил в наследство герцогство. Старший стал править графствами Пентьевр и Трегьер, расположенными на севере. Некогда они входили в древнее королевство Домнония. Этот момент стал судь-

боносным, так как он и все его потомки стали непримиримыми соперниками герцогского дома, с которым на протяжении нескольких веков они вступали в ряд кровавых конфликтов. Конан II, сын Алена, был совсем еще мальчиком, когда регентом при нем назначили его дядю Эдо. Однако, повзрослев, Конан с оружием в руках выступил против своего бывшего опекуна и его соратника Вильгельма Нормандского, прозванного Завоевателем.

Несмотря на вражду между норманнами и бретонцами, герцоги Нормандии и Бретани заключили друг с другом ряд союзных договоров, из-за которых отношения между двумя странами осложнились. Когда герцог Роберт, отец Вильгельма Нормандского, отправился в паломничество, ближайшим другом его стал Алэн, герцог Бретани, отец Конана II, происходивший по материнской линии от Ролло, великого норвежского вождя. Именно ему Роберт на время своего отсутствия доверил заботу о герцогстве и защиту сына. Герцог Алэн провозгласил, будто сомневается в том, что мальчик действительно происходит от Роберта, и примкнул к партии, стремившейся исключить его из линии престолонаследия. Но после того как поддерживаемая им политическая группировка потерпела поражение в Долине Дюн, он скончался, вероятно став жертвой отравления, организованного, без сомнения, друзьями Вильгельма.

Ему наследовал его сын Конан II, правивший тогда, когда Вильгельм собирался завоевывать Англию. Он был умелым

правителем, которому постоянно докучали соседи и терзало острое, неконтролируемое желание погубить герцога Нормандского, ставшего в его глазах узурпатором престола и убийцей Алена. Осознав, что Вильгельм планирует опасную кампанию, Конан решил: настал подходящий момент для того, чтобы напасть на нормандского герцога, – и отправил к нему одного из своих управляющих с запиской: «Я слышал, что ты собираешься пересечь море и завоевать английское королевство. Вспомни, что герцог Роберт, сыном которого ты себя называешь, отправляясь в Иерусалим, оставил все свое имущество герцогу Алену, моему отцу, его двоюродному брату. Но ты вместе со своими сообщниками отравил моего отца, присвоил себе Нормандию и владел ею до настоящего времени, хотя не можешь считаться законным правителем. Таким образом, ты должен передать мне герцогство Нормандия, принадлежащее мне по праву, или я пойду против тебя войной и захвачу его при помощи всей своей боевой мощи».

Отравленный охотничий рог

Нормандские историки утверждают, будто, прочитав эту записку, Вильгельм не на шутку испугался. Ведь любое, даже самое слабое нападение врага ставило под угрозу его амбициозный план завоевания Англии. Поэтому он тотчас же приказал устранить бретонского герцога. Вернувшись к Ко-

нану, посланник, несомненно подкупленный золотом, влил яд в рог, в который его хозяин трубил во время охоты. При этом для того, чтобы его замысел гарантированно удался, он намазал этим же веществом перчатки герцога и уздечку его лошади. Через несколько дней после возвращения гонца Конан умер, а его преемник Эдо решил не повторять ошибок своего предшественника и не оскорблять Вильгельма. Он даже признал законность правления нормандского герцога, заключил с ним союз, примилив таким образом бретонцев и норманнов, и направил обоих своих сыновей в лагерь Вильгельма, где они должны были сражаться против англичан. Двое этих молодых людей, Бриан и Ален, привели в норманнское войско отряд бретонских рыцарей, называвших их Мак-Тирнами. Другие представители бретонской знати, которые не могли похвастаться кельтским происхождением и носили французские имена (например, Роберт де Витри, Бертран де Динан и Рауль де Гаель), стали служить при дворе герцога Нормандского.

Позднее Бретань стала яблоком раздора между Францией и Нормандией. Местный герцог Хоэль обратился к французским королям с просьбой защитить его от нормандского герцога. Во время правления Алена Фершента и Конана III наступил длинный период затишья, но после смерти последнего началась жестокая война за престол (1148–1156 гг.). Герцогскую корону получил, прибегнув к помощи англо-норманнов, Конан IV. Затем он выдал свою дочь Констанцию

замуж за Жоффруа Плантагенета, сына правителя Англии Генриха II. Жоффруа надел бретонскую герцогскую корону в 1171 году. Однако после его смерти его сын Артур перенес ужасные страдания по вине своего дяди Иоанна Английского. В реальности герцогством управляла его мать Констанция, которая снова вышла замуж, выбрав себе в супруги Гая де Туара. Их дочь вышла замуж за Пьера де Дрё, ставшего в результате этого герцогом. В 1214 году под стенами Нанта он нанес поражение Иоанну Лакланду, убийце единокровного брата своей супруги.

Влияние Франции

Наконец страна стала быстро процветать, так как, благодаря мудрости французских правителей, в ее жизнь было внесено множество новшеств. Новый образ жизни переняла в основном элита, среди которой французские манеры и мода стали общепринятыми. Но широкие слои населения, как и прежде, придерживались древних обычаев и языка, продолжали носить традиционную одежду. Они никогда и не расставались с ними, особенно в Нижней Бретани. После смерти Жана III (1341 г.) мирное существование герцогства снова оказалось под угрозой из-за очередной войны за престол. Иоанн не любил своего сводного брата Жана де Монфора и считал, что герцогская корона должна достаться его племяннице Жанне де Пентьевр, супруге Карла де Блуа, племянни-

ка Филиппа VI Французского. Из-за этого начался конфликт между противоборствующими партиями, который привел к долголетней, еще более ожесточенной борьбе.

Война двух Жанн

Подобно Фредегонде и Брунгильде, королевам Нейстрии и Австразии, жившим в эпоху Меровингов и с переменным успехом боровшимся друг против друга, Марии и Елизавете, соперничавшим правительницам Англии и Шотландии, противоборство которых развернулось в более поздние времена, на Бретонской земле появились две героини, поднявшие знамена противоборствующих партий и начавшие кровавую гражданскую войну. Английская сторона поддерживала Монфора, а французская – Карла. Почти в самом начале противостояния Жан де Монфор был заключен в тюрьму (1342 г.), но его супруга Жанна Фландрская продолжила дело мужа и повела жестокую войну против его врагов. После пяти лет сражений, в 1347 году, и через два года после смерти ее мужа, здоровье которого было заметно подорвано тюремным заключением, она во время битвы при Ла-Рош-Деръен, на реке Жоди, захватила своего главного противника Карла де Блуа. В этой схватке ей помогали некий сэр Томас Дэгуорт и английские войска. Карла спасали трижды, и трижды его снова захватывали в плен. Это происходило до тех пор, пока он, истекая кровью из-за нанесенных ему восемь-

надцати ранений, не вынужден был сдаться. Его отправили в Лондон, где на протяжении одиннадцати лет содержали под стражей в Тауэре. В это время его жена Жанна, подражая своей сопернице и тезке, вступила в борьбу. Однако в 1352 году партия Монфора одержала вторую победу при Мароне. После того как в 1356 году Карл де Блуа был освобожден, он при поддержке знаменитого Бертрана дю Геклена продолжил боевые действия.

Бертран дю Геклен

Бертран дю Геклен (около 1320–1380 гг.) – коннетабль Франции, вместе с Байяром Бесстрашным возглавлявший средневековую французскую кавалерию. Он был выдающимся предводителем, великим военачальником и бесстрашным рыцарем. Он принадлежал к древнему роду, по каким-то причинам оказавшемуся в стесненных обстоятельствах. Дю Геклена еще ребенком возненавидели собственные родители из-за того, что он родился некрасивым.

Однажды его матери приснился сон, будто она идет в процессии, неся в руках шкатулку, на которой помещены портреты ее самой и ее мужа. В одну из боковин шкатулки были вделаны девять прекрасных драгоценных камней, выложенных вокруг грубой, неполированной гальки. Во сне женщина поднесла шкатулку гранильщику драгоценных камней и попросила его вытащить некрасивый камень, потому что,

по ее мнению, он совершенно неуместен среди такой красоты. Но мастер посоветовал ей оставить все как есть, и вскоре галька засияла ярче, чем блестящие драгоценные камни. Позднее выяснилось, что Бертран значительно превосходит остальных ее детей, которых у нее было девятéro. Так исполнился сон матери дю Геклена.

Во время турнира, проходившего в Ренне в честь женитьбы Карла де Блуа и Жанны де Пентьевр, юный Бертран, которому тогда было всего около восемнадцати лет, сумел сбросить с лошади всех остальных знаменитых рыцарей. Когда началась война между де Блуа и де Монфором, он собрал отряд, состоявший из искателей приключений, и встал на сторону Карла V, нанеся заметный урон Монфору и его английским союзникам.

Имя дю Геклена сохранилось в бретонских легендах, где он назван Гвезкленом. Вероятно, это изначальная форма его имени. Примерно так же оно записано на его могиле – он лежит на кладбище Сен-Дени, у ног Карла V Французского. В этой надписи он назван: «Missire Bertrem du Gueaquien». Вероятно, это французская версия бретонского оригинала. В бретонском фольклоре сохранилось множество баллад, рассказывающих о подвигах этого мужественного и романтического героя. Я сделал свободный перевод одной из них, которая показалась мне наиболее интересной.

Вражда дю Геклена

Мощная башня Трогоффа – в руках англичан Была на протяжении многих лет, Возвышаясь над подчиненными ей землями И вызывая у них страх и ненависть.

Этот розовый свет на мече
Не последний поцелуй солнца;
Это кровь английского лорда,
Дурно правившего землями.
«О сладчайшая дочь моего сердца,
Моя маленькая Маргарита,
Пойди принеси мне полуденное молоко,
Той, кто вяжет снопы».
«О милая мать, избавь меня от этого!
Я должна пройти мимо замка,
В котором злой Роджер срывает поцелуй
С губ каждой сельской девушки».
«О! Стыд, дочь моя! Стыдно тебе!
Сеньор даже не взглянет
На такую девчонку низкого происхождения,
Когда все благородные дамы Франции
К его услугам». «Мать моя,
Я подчиняюсь твоему слову.
Мои глаза больше никогда не увидят тебя.
Да хранит тебя Господь».
Юный Роджер стоял на башне

Серого шато Трогоффа;
Наклонившись, он присмотрелся
К происходящему внизу.
«Иди сюда быстро, маленький паж,
Иди, преклони предо мной колено.
Можешь ли ты проследить за этой юной девой?
Она должна заплатить мне».
Прекрасная Маргарита быстро проходит мимо,
Под тенью замка,
Когда злодей Роджер, подбираясь ближе,
Хватает девушку.
Он берется за ведро с молоком,
Которое она несет на голове;
Снежно-белая жидкость, о которой она должна горевать,
Потому что все молоко пролито.
«Не плачь, моя прелестная сестра,
В моем замке хранится большой запас
Молока, а также хорошее красное вино.
Попируй со мной, или сорви розу
В моем прекрасном саду,
Или погуляй возле ручья, который течет
В шумном веселье леса».
«Ни пира, ни цветов, ни даже воздуха
Я не приму от тебя; я умоляю тебя,
Добрый господин, позволь мне удалиться
К тем, кто вяжет снопы».
«Эй, девица, наполни ведро,
Молочная ферма стоит прямо здесь.
Глупая возлюбленная, зачем трусить,

Если тебе нечего бояться?»

Ворота замка захлопнулись позади нее,

И все стало ясно;

Над ее головой блещут яблоки,

Символ нашего греха.

«О господин, вытащи свой острый кинжал,

Чтобы я могла срезать яблоко».

Он улыбается и с вежливым выражением лица

Вытаскивает сверкающее лезвие.

Она берет его, и искреннюю молитву

Произносит ее детский голосок:

«О Матерь Дева, Ты всегда справедлива,

Молись, молись за ту, что умирает,

Спасая честь!» Затем лезвие намокает

От невинной крови.

Подлый Роджер, потушивший ныне свой пыл,

Скажи – ты удовлетворен?

«Ха! Я помою свой острый кинжал

В чистом ручье.

Никто не видел,

Никто не посмотрит

На эту кровь». Он вытаскивает лезвие из ее нежного сердца

И торопится в тень реки.

Коварный Роджер, зачем ты начал?

Рядом с берегом стоит дю Геклен,

Одетый в свою темную кольчугу.

«Эй, Роджер, почему красны твои руки

И почему ты так бледен?»

«Я убил зверя!» «Ты лжешь, пес!

Это я убью зверя».

Листья в лесу громко зашелестели,

Отдаваясь эхом драки.

Роджер повержен. Шато Трогоффа

Сровняли со скалой.

Кто может противостоять натиску дю Геклена,

Какая башня устоит от его натиска?

Сражение – единственная его радость,

Турниры – его игра.

Горе тем, кто собирается положить конец

Миру в Бретани.

В решающей битве при городе Орей (1364 г.) Карл был убит, а дю Геклен – захвачен в плен. Герцогом Бретани стал Жан де Монфор, сын умершего Жана. Но ему пришлось столкнуться с Оливье де Клиссоном, вокруг которого объединились сторонники династии де Блуа. Борьба перестала быть войной и превратилась в вендетту. Оливье де Клиссон лично схватил Жана V и заключил его в тюрьму. Но в конце концов Жан был освобожден и сторонники де Блуа потерпели окончательное поражение.

Анна Бретонская

Следующим важным событием в истории Бретани стал насильно заключенный в 1491 году брак герцогини Анны

Бретонской с французским королем Карлом VIII, сыном Людовика XI. Анна, отец которой Франциск II вскоре умер, была вынуждена выйти за Карла, а после его смерти она стала женой его преемника Людовика XII. Франциск, унаследовавший у Людовика XII французский трон, женатый на Клавдии, дочери Людовика XII и Анны, в 1532 году прибавил герцогство к своим владениям, предоставив ему ряд привилегий. Но под удушающей властью французской короны привилегии провинции были сильно урезаны. С этих пор история Бретани стала неотъемлемой частью французской истории.

Мы не будем говорить о жителях современной Бретани, их нравах и обычаях, оставив эту тему для следующей книги, но обратимся к читателю с просьбой следовать за нами в путешествии по зачарованным полям бретонской истории.

Менгиры и дольмены

У читателя, не обладающего специальными знаниями, слово «Бретань» неизменно ассоциируется с доисторическими каменными памятниками, которые очень тесно связаны с жизнью ее народа и фольклором. Подобные сооружения также встречаются в Великобритании, Ирландии, Скандинавии, в Крыму, Алжире и даже Индии, но нигде их не находят в таких количествах, как в Бретани. Помимо этого остальные мегалиты не могут тягаться с бретонскими ни вырезанными на них знаками, ни размерами.

Рассуждать о том, какой народ их построил, так же бесполезно, как и говорить о дате их сооружения. Еще недавно ученые считали, будто европейские мегалиты построены кельтами, но благодаря ряду открытий в европейской этнологии эту теорию можно назвать спорной, особенно сейчас, когда само понятие «кельты» стало предметом острых дискуссий. Рядом с некоторыми из этих памятников археологи находят предметы эпохи железного века, а недалеко от других – артефакты бронзового века. Таким образом, мы, вероятно, можем предположить, что их строительство продолжалось на протяжении длительного времени.

Что представляют собой менгиры и дольмены

Говоря о мегалитических сооружениях Бретани, нужно привести их общую классификацию, принятую в науке. Менгир – это грубо обработанный монолит, установленный вертикально, огромный отдельно стоящий камень, основание которого вкопано глубоко в землю. Дольмен – это большой камень, по форме напоминающий поверхность стола, который стоит на трех, четырех или даже пяти других камнях, основания которых закопаны в землю. Понятие «кромлех» в Бретани синонимично термину «дольмен», но во Франции и других континентальных странах этим словом называют категорию памятников, которые британские исследователи окрестили «каменными кругами». Для того чтобы читатель уяснил истинное значение этих памятников, упомяну, что их названия пришли к нам из кельтского языка. Следует также поговорить об изначальном смысле этих слов. Так, слово «менгир», очевидно, произошло от уэльского *maen*, «камень», и *sgêr*, «длинный», а дольмен – от бретонского *taol*, «стол», и *men*, «камень». Термин «кромлех» также имеет уэльское или бретонское происхождение. Он образован от *crom*, «сгибающийся» или «изогнутый» (отсюда «лежать поперек»), и *llech*, «плоский камень». Крытая галерея представляет собой большой дольмен.

Природа памятников

Природа этих памятников и цель их сооружения еще столет назад занимали умы любителей древностей, считавших, будто это были алтари, храмы на открытом воздухе или места, где собирался совет племени. Более подкованные современные археологи отвергли большую часть этих теорий как несостоятельные и противоречащие имеющимся фактам. По их словам, дольмены совершенно не подходят для использования в качестве алтарей. Помимо того, было неопровержимо доказано, что в древние времена они были покрыты земляными курганами. Так что предположение об их ритуальном предназначении оказалось совершенно несостоятельным. Более того, присмотревшись к грубо вырезанным на дольменах знакам и орнаментам, мы увидим, что все они располагаются в нижней части плоского камня, а его поверхность, как правило грубая, необработанная, сохраняет природную закругленную форму. Таким образом, вряд ли это сооружение могло использоваться как алтарь.

В результате недавних исследований археологи пришли к более обоснованному предположению о том, что все эти памятники представляют собой погребальные сооружения. Ими отмечены места последнего упокоения людей, игравших в своем племени важную роль, – вождей, жрецов или воинов, отличившихся особой доблестью. Порой погребаль-

ный характер мегалитов подтверждается легендами. Давайте взглянем на наиболее известные доисторические мегалиты Бретани, но не как археологи, увлеченно обсуждающие различные сугубо научные проблемы, связанные с ними, а как путешественники, которым достаточно видеть в них интересные рукотворные памятники, оставшиеся нам в наследство от далеких предков. Для этого мы выберем наиболее известные места сосредоточения бретонских доисторических памятников. Свою экскурсию мы начнем в северо-восточной оконечности Бретани, затем проследуем по береговой линии, вдоль которой расположены важнейшие доисторические поселения, и, если нам это удастся, отправимся в глубь страны в поисках известных или попросту интересных сооружений.

Дол

Дол расположен в северной части департамента Иль-и-Вилен, недалеко от побережья. Рядом с ним находится Дольское поле (Champ Dolent, «поле скорби»), на котором стоит огромный менгир, тридцати футов в высоту, причем, как говорят, под землей находятся еще пятнадцать футов. Он сделан из серого гранита и увенчан крестом. Первые христианские миссионеры, увидев, что им не удастся отвратить людей от пользовавшегося большой популярностью язычества, украшали стоящие камни символом своей веры. Имен-

но благодаря этому им удалось добиться желаемого результата.

Легенда о доле

С этим грубо обработанным менгиром связана странная легенда. Однажды, в темном, далеком прошлом Бретани, на Дольском поле произошла жестокая битва. Кровь лилась потоком, которого, как говорится в этой истории, было достаточно для того, чтобы крутить колесо мельницы, расположенной недалеко от поля боя. Когда битва достигла апогея, два брата схватились в жестокой борьбе. Но чтобы они не могли нанести друг другу вред, из земли прямо между ними вдруг вырос огромный гранитный столб.

В основе этой легенды лежат, судя по всему, реальные исторические события. Здесь или недалеко отсюда в 560 году в бою встретились Хлотарь, король франков, и его сын Храмн, восставший против отца. Непокорный сын был повержен. Он разместил своих жену и двух маленьких дочерей в расположенном неподалеку жилище. Его поймали, когда он пробирался к ним, чтобы вывезти их с поля. Храмна, по приказу его жестокого родителя, тотчас же задушили на глазах его супруги и детей, которых затем заживо погребли в доме, где они до этого прятались. Это поле получило свое название заслуженно, и даже тринадцати веков недостаточно для того, чтобы стереть из памяти это жестокое и неесте-

ственное преступление, которое, несмотря на то что произошло очень давно, наполняет сердце ненавистью к совершившим его преступникам и глубокой жалостью к несчастным невинным жертвам.

Подземная часовня в виде дольмена

В Плуре (департамент Кот-д'Армор) расположена удивительная подземная часовня, соединенная с дольменом. Раньше мегалитическое сооружение было частично накрыто курганом, а часовня, сооруженная в 1702 году, построена таким образом, что большой горизонтальный камень, образующий «крышку стола», стал ее крышей, а подпорки поддерживают две ее стены. В крипту можно попасть, спустившись по лестнице. Здесь, на алтаре, помещено изображение Семи Спящих Отроков Эфесских в виде семи кукол разного размера. Бретонцы верят, что это сооружение стоит с момента творения. На основе этих представлений они написали балладу, в которой утверждается, что часовня была построена самим Всемогущим тогда, когда мир еще только создавался Им.

Камаре

В городке Камаре, расположенном в департаменте Финистер, на берегу, стоит не менее сорока одного кварцевого

камня. Камни эти обрамляют прямоугольную территорию длиной 600 ярдов. Многих камней уже нет на месте, поэтому образованная ими фигура кажется незаконченной. Однако все эти монолиты небольшого размера, а значит, место, на котором они стоят, не считалось особенно важным, в результате чего осталось изолированным от окружающего мира. В Пенмарше, рядом с южной границей Финистера, находится «линия» из выстроенных в ряд примерно двухсот маленьких камней. Помимо этого дольмен, очевидно игравший в жизни древних людей важную роль, расположен в Трегунке, но Карнак, находящийся на берегу залива Морбиан, куда мы отправляемся, является важнейшим археологическим объектом Бретани.

Карнак

В области Карнак находится множество доисторических памятников. Наиболее известные из них: Плуарнель, Конкарно, Конкуррус, Локмариак, Кермарио, Керлескан, Эрдевен и Сен-Барб. Все эти памятники расположены на расстоянии нескольких миль друг от друга. Экскурсионные маршруты, пролегающие через все эти поселения, начинаются в городке Орей, в котором можно посетить интересный средневековый торговый двор и гробницу святого Роша. Археологи, как бретонские, так и иностранные, считают, что скопления камней в Менеаке, Кермарио и Керлескане – не что

иное, как часть линии подобных сооружений, которая тянется в одном направлении, с юго-запада на северо-восток. Эта «дорога» из монолитов начинается недалеко от деревни Менеак, а затем разветвляется на одиннадцать рядов. Именно здесь стоят самые большие камни — они достигают высоты 10–13 футов, а затем постепенно уменьшаются до 3–4 футов. Всего в Менеаке находятся 116 менгиров. На расстоянии более 300 ярдов от этого места в линиях сделан разрыв, пройдя через который можно попасть на «дорогу» Кермарио, состоящую из десяти рядов мегалитов такого же размера, что и в Менеаке. Всего их 1120.

Пройдя через Керлескан, где расположены тринадцать рядов менгиров, состоящих из более чем 570 камней, путешественники выходят к концу дороги. Обернувшись, они могут увидеть равнину, покрытую этими неуничтожимыми свидетельствами забытого прошлого.

Карнак... С этим названием мы привыкли ассоциировать нечто египетское. И действительно, в Египте есть свой Карнак, известный аллеей сфинксов и полным колонн храмом Мут, построенным царем Аменхотепом III. Здесь же, в бретонском Карнаке, ничто не говорит нам о том, что создатели этих сооружений обладали какими-либо архитектурными способностями. Эти необработанные темные камни, привезенные сюда с морского побережья, не выдерживают никакого сравнения с такими потрясающими творениями человека, как, например, храмы с берегов Нила. Но этой покрытой

камнями вересковой пустоши свойственна какая-то загадочность, благодаря которой каждый, кто ее видит, получает впечатления не менее сильные, чем при созерцании остатков прекраснейших памятников древности. Раскрыв тайну Карнака, мы сумеем достичь глубин, гораздо более захватывающих воображение, чем все рассказы о Древнем Египте. В чем смысл установки этих камней? В чем суть веры? Какова сущность человека? Говоря словами бретонского поэта Кайо Деландре:

Все здесь – символ; эти серые камни передают
Невыразимую мысль, но где ключ?
Скажи, найдут ли его когда-нибудь,
Чтобы открыть храм этой тайны?

Видение

Вдруг этот дикий, заросший вереском и покрытый голубыми цветами карликовой горечавки путь постепенно меняется. И местность, и вереск все те же. Не изменились и серые камни, поросшие мхом. Внезапно раздается громкая песня, резкие звуки которой разлетаются по равнине. Перед нами появляется группа одетых в кожаные наряды людей, собравшихся вокруг огромного предмета, который они с трудом тащат в направлении глубокой ямы, выкопанной в конце одно-

го из длинных рядов монолитов. На грубо обтесанных деревянных жердях лежит огромный камень длиной около двадцати футов. Его волокут по необитаемой пустоши при помощи кожаных веревок, подбадривая себя песней о великом вожде, которого позднее погребли в этой огромной гробнице, расположенной в Карнаке. Менгир должен был стать его надгробием. Воины его племени, его приверженцы, сражавшиеся, охотившиеся вместе с ним и решившие увековечить его память, притащили ему этот камень. Монолит должен был обессмертить славу этого человека.

Теперь им нужно выполнить самое сложное задание — установить камень. К его верхушке привязывают веревки. Варвары делятся на две группы: одни тянут веревки, чтобы поднять менгир, а другие фиксируют в яме ту его часть, которая затем будет закопана. Камень поднимается все выше, пока, наконец, не встает горизонтально. Теперь нужно удерживать его, пока яму забрасывают землей, утрамбовывают и укрепляют ее. Затем варвары отходят на несколько шагов и из-под низких бровей с удовлетворением смотрят на результат своих трудов. Тот, кого они так уважали при жизни, после смерти обретет немеркнущую славу.

Легенда Карнака

Легенда Карнака, в которой объясняется происхождение этих монолитов, похожа на корнуолльскую историю о «хер-

лерах», игравших в херлинг (ирландский травяной хоккей. — *Пер.*) в День Господень, или английский рассказ из Камберленда о Долговязой Мэг и ее дочерях. В легенде говорится о том, что святой Корнелий, преследуемый войском язычников, бежал от них по морю. Не сумев найти лодку, он превратил своих преследователей в камни, те самые монолиты, которые мы видим в Карнаке сегодня. Святой бежал на побережье в телеге, запряженной быком. Возможно, именно поэтому он считается покровителем скота. Если бык заболел, его владелец заказывал образок святого Корнелия и держал его в стойле, пока животное не выздоравливало. Церковь Карнака украшена фресками, на которых изображены эпизоды из жизни святого, а во дворе находится его статуя — Корнелий изображен стоящим между двумя быками. Считается, что в этом здании хранится реликвия — голова святого. Каждый год 13 сентября в Карнаке в честь Корнелия справляют праздник Благословения животных. В этот день к церкви из близлежащих селений приводят животных, чтобы священник благословил их. Это действие должно быть соответствующим образом оплачено владельцем скота.

Мон-Сен-Мишель

Неподалеку находится Мон-Сен-Мишель, большой курган с надмогильным дольменом. Впервые раскопки здесь проводились в 1862 году. Тогда археологи обнаружили ору-

дия труда, нефритовые резцы и обожженные кости, относящиеся к позднему каменному веку. Позднее М. Захария ле Рузик, знаменитый бретонский археолог, вскрыл курган и обнаружил погребальную камеру, по которой были разбросаны кости двух быков. Каждый паломник считал своим долгом положить на этот холм камень или горсть земли, исполняя обычай, принятый в кельтских странах с незапамятных времен. В результате погребальный холм на протяжении многих поколений вырос до довольно внушительных размеров, а на его верхушке была построена часовня, посвященная святому Михаилу. От ее дверей открывается прекрасный вид на ряды монолитов, за которыми простирается залив Морбиан и удлинённый унылый полуостров Квиберон, не защищенный от ветра, голый и безжизненный.

Рошено

Рядом с Карнаком, в Рошено, находится большой дольмен, покрытый углублениями и кругами, которые, по мнению местных крестьян, появились от прикосновения колен и локтей святого Роша, упавшего на этот камень после своего бегства из Ирландии. Когда жители этих мест хотели, чтобы поднялся ветер, они стучали по углублениям в камне костяшками пальцев, произнося заклинания. Затем они, как в Шотландии XVII века, погружали тряпку в емкость с водой, устраивая там некое подобие бури, и несколько раз ударяли

ею по поверхности дольмена, произнося имя Сатаны.

Отметки в виде углублений и колец

Что обозначают эти отметки в виде углублений и колец, которые так часто можно встретить на различных бретонских памятниках? Этот вопрос заслуживает более обстоятельного ответа хотя бы потому, что в нем кроется вся суть религии эпохи неолита. В ходе недавних раскопок на Новой Каледонии выяснилось, что и на этих отдаленных островах, как и в Бретани, Шотландии и Ирландии, присутствуют подобные странные символы, сочетающиеся с изображениями концентрических фигур и спиралей, которые обычно считаются характерными признаками кельтского искусства. Недалеко от Глазго, да и вообще по всему юго-западу Шотландии были найдены многочисленные камни с узорами, сильно напоминающими те, что были обнаружены на камнях Новой Каледонии. В качестве примеров можно привести памятники из Очерторли и Кокно, Шевалтон-Сэндз и Милтона (область Колхаун), где был найден знаменитый алтарь, покрытый углублениями и кольцами. В 1904 году в Шевалтон-Сэндз было обнаружено несколько камней с вырезанными на них крестами, подобных тем, что были найдены в Португалии падре Хосе Бренья и падре Родригесом. Эти символы очень похожи на некоторые изображения с бретонских камней. Считается, что это либо алфавитные знаки, либо маги-

ческие символы. В Шотландии изображения спиралей, как правило, помещались на те камни, на которых писались ога-мические тексты. Довольно примечательно, что в Новой Каледонии они также тесно связаны с точечным «алфавитом». Однако кресты с Новой Каледонии, вероятно, ближе к позднейшим своим аналогам, характерным для кельтского искусства, а спирали напоминают те, что изображались на ранних стадиях его развития. Но больше всего на фигуры, изображенные на камнях с Новой Каледонии, похожи символы из Шотландии, о чем можно судить по таким примерам, как мегалиты из Кокно, в графстве Дамбартоншир, где наряду с углублениями и кольцами встречается изображение колеса.

Ученые считают, что камни с изображениями углублений и кругов впервые появились благодаря народу «бретонского» или британского происхождения. Вероятно, камни с подобными изображениями использовались в ритуалах, связанных с поклонением дождю или его вызовом при помощи симпатической магии. Углубления в камнях, возможно, наполнялись водой, символизируя всю страну, залитую дождем.

Благодаря проведению подобных аналогий мы можем определить цель, которую преследовали наши далекие предки, вырезая на бретонских дольменах углубления и кольца. Вероятно, эти изображения, если мы, конечно, не ошиблись в своих предположениях, предназначались для магических действий. Действительно ли круглые углубления символизи-

ровали воду или были своего рода контейнерами для нее, а спирали олицетворяли кружащиеся ветра?

Гробница в Гавр-Инисе

Нигде эти загадочные знаки не представлены так хорошо, как на прекрасном кургане, расположенном в Гавр-Инисе. Это древнее погребение, название которого можно перевести как «козий остров», находится в Морбиане, или «Маленьком море», внутреннем море, давшем свое название одному из департаментов Южной Бретани. Высота кургана – 25 футов. Он высится над прекрасно вытесанной галереей длиной 40 футов. Камни, из которых она сложена, покрыты символами, упомянутыми выше. Завитки и круги сплетаются в различные орнаменты, змеевидные фигуры и изображения топоров, похожих на те, что можно увидеть в Гроте Фей. Изображения, судя по всему, наносились при помощи металлических орудий труда. Коридор заканчивается квадратной погребальной камерой, которую поддерживают восемь менгиров из зернистого гранита, камня, наличие которого на острове не зафиксировано. Так как символы заходят за их края, а значит, ими украшены те стороны камней, которых не видно, ученые предположили, что эти менгиры с вырезанными на них изображениями использовались до того, как оказаться здесь.

Иль-о-Муан

Иль-о-Муан (остров Монахов) также расположен в заливе Морбиан. На нем было найдено множество доисторических памятников. Самый большой из них – каменный круг в Кергонане и дольмен Пенхаппа. Мегалиты есть и на острове Иль-д'Арц. Пожалуй, лучшим из них можно назвать кром-лех, или круг, из Пенраза.

С бретонскими мегалитами связаны многочисленные фольклорные сюжеты, но практически все они очень похожи друг на друга. Многие из них называются Гротами Фей или Скалами Фей, потому что местные жители считают, будто эти сказочные создания построили их или даже жили в этих каменных сооружениях. Различные варианты подобных названий встречаются в Мэзондес-Фоллес (Дом гоблинов), на Канкое, в заливе Морбиан, и в Шато-дес-Палпикетс, расположенном в Кестембере, в том же районе. Тиэн-Кориганнт (Дом корриган) расположен в том же департаменте, а недалеко от Пенмарша, в Финистере, на другом конце провинции, есть место под названием Тиэн-Харрике (Дом гориков, или нэнов). Других мифических персонажей также часто связывали с сооружением мегалитов, чаще всего ответственность за их чудесное появление несут дьявол или Гаргантюа. Феномен, хорошо известный ученым, специализирующимся на исследовании фольклора, – народы, не обладающие пись-

менностью, быстро забывают, как возникли эти памятники и кем из их предков они были возведены, – не редкость для Бретани. Живущие здесь крестьяне очень удивляются, когда слышат вопрос: «Кто построил дольмены?» Эти камни кажутся им удивительными предметами, не принадлежащими к этому миру, а отсюда возникает ощущение того, что появиться они могли только в результате чуда. Но мы не должны смеяться над несчастными простыми людьми, обличая их отношение к древностям своей страны. Давайте вместо этого задумаемся о том, испытываем ли мы сами тот интерес к древностям нашей собственной родины, который они заслуживают.

Фейри-строители

В большинстве своем бретонские крестьяне считают, что мегалиты не могут быть творением человеческих рук. С гораздо большей уверенностью они приписывают сооружение этих памятников духам, гигантам или демонам. Если какие-то сооружения не имеют сверхъестественного происхождения, то их появление связывается с именами святых, которых крестьяне столь рьяно почитают. По их словам, фейри впрягли своих быков в огромные камни, нашли подходящее место и подтащили их ближе, чтобы устроить там жилище или колыбель для юных фейри, которых они так любили обменивать на человеческих детей. Поэтому недалеко

от Сен-Дидье, что в департаменте Иль-и-Вилен, появились Скалы Фей, возведенные руками этих сказочных существ, – по легенде, эльфы собрали «все большие камни в стране» и отнесли их туда в своих передниках. Фейри-архитекторы забирались друг другу на плечи, чтобы установить и надежно закрепить монолит. Люди, живущие недалеко от леса Рошер, расположенного на дороге из Динана в Дол, считают, будто эльфы и здесь использовали этот метод строительства. При этом фольклорная традиция не отрицает и настоящую цель возведения мегалитов. Так, один почтенный фермер из Рувре утверждал, что фейри построили дольмены для того, чтобы увековечить память тех, кто сумел хорошо распорядиться своей жизнью. В мегалитах должен был храниться прах этих людей. Наличие подобного погребения недалеко от поселения гарантировало местным жителям довольствие и процветание, потому что почитаемые руины были овеяны едва уловимыми чарами, разливавшимися по всей округе. Согласно преданию, фейри-строители выполняли свою работу целенаправленно. Те из них, кто умел рисовать, чертили планы будущего сооружения, а менее одаренные исполняли обязанности грузчиков, рабочих и каменщиков. Передники не были единственным средством, которое они использовали для переноски грузов, – некоторые носили камни на голове, а один – даже под мышками. По крайней мере, именно так фейри поступили, когда сооружали Скалы Фей, Ратье, или дольмен в Ля-Ланд-Мари. Считалось, что лучше всего доль-

мены строить ночью. Но, несмотря на то что эти постройки росли с небывалой скоростью, они были рассчитаны на то, чтобы простоять очень долго. Правда, любая ошибка архитекторов-эльфов могла привести к тому, что их творения падали на землю. Дневной свет также часто приводил строителей в недоумение, и, судя по некоторым неоконченным дольменам, лишенным «крыши», им нередко приходилось бросать работу незавершенной.

У этих представлений множество аналогов в кельтской мифологии. Например, по легенде, церковь в Корсторфине, недалеко от Эдинбурга, построили пикты или, возможно, фейри. Они же принесли камни с копей Рэвелстон на близлежащий холм Корсторфина, расставив их рядами и нагромодив друг на друга. По крайней мере, именно такую историю рассказывают местные жители. Похожие легенды существуют в кельтском или даже индусском фольклоре. Такова история горцев о Кеннеди и фейри, которую он поймал и заставил за одну ночь построить дом. В легенде говорится, что сказочное существо мгновенно собрало своих собратьев, тотчас же приступивших к строительству:

И они несли флаги и камни
С берегов водопада Клиамиг,
Передавая их из рук в руки.

Круглая башня в Ардморе (Ирландия) также была построена из камней, которые были принесены со Слив-Гриан —

горы, расположенной на расстоянии четыре или пять миль, «без помощи лошадей и колес». Камни на всем протяжении от рудников до места строительства передавались из рук в руки. Ту же легенду рассказывают и о Круглой башне в Абернети, в Пертшире, хотя камни для ее постройки, согласно рассказу, были взяты из обычных каменоломен, причем геологам удалось даже отыскать место, где их добывали. Таким же образом, по свидетельствам Махабхараты и Рамаяны, царь обезьян в одном из индусских мифов построил мост Рамы.

В отличие от поверий сказок о каменных сооружениях почти нет. Действительно, Себийо после тщательного исследования удалось обнаружить не более дюжины подобных историй. Они, как правило, очень короткие и рассказывают в основном о фейри, запертых при помощи волшебных сил в дольменах. Нередко встречаются и истории о духах, заключенных в деревьях и даже в колоннах, а недавно я слышал страшный бельгийский рассказ о призраках, согласно которому некие духи были заключены в колонну древнего аббатства, что доставляло заметное неудобство его праведным обитателям. Мистер Джордж Хендерсон в своем исследовании по кельтской мифологии, самом массивном и обстоятельном из всех когда-либо написанных, утверждает, что в древности считалось, будто в камнях шотландских гор обитают души, и именно поэтому они настолько тяжелые, что их невозможно передвинуть, – иначе камни просто потеряли бы

связь с душами. Горцы никогда не встраивали стоящие камни в свои жилища, так как думали, будто, если использовать таким образом что-либо, связанное с традициями друидов, можно навлечь на себя беду.

Путешествующие камни

Мистер Саломон Рейнах пересказывает бретонскую легенду о том, что некоторые священные камни один раз в год или в столетие путешествуют, чтобы «помыться» в море или в реке, и возвращаются после омовения на свое исконное место. По легенде, камни дольмена в Эссе, как и в Каллернише и Льюисе, регулярно передвигаются. Подобно римским пенатам, они возвращаются обратно, если кто-то перенесет их в другое место.

Бретонские мегалиты, несомненно, самое яркое свидетельство деятельности доисторических людей, которые в настоящее время считаются непосредственными предками создателей первых цивилизаций. Возможно ли то, что они были построены в самом начале этой эпохи, или же их соорудили уже в конце доисторического периода? Дать ответ на этот вопрос довольно сложно. Вероятно, в обоих предположениях есть доля правды. Каким бы ни было происхождение мегалитов Бретани, эта местность всегда будет считаться одним из крупнейших «хранилищ» доисторических памятников, звеном, соединяющим нас с седой древностью.

Фейри Бретани

Каким бы ни было происхождение людей, создавших бретонскую мифологию (судя по которой можно предположить, что население этой местности все же не было полностью кельтским), представления о фейри, несомненно принесенные в Бретань кельтами, стали ее неотъемлемой частью. Различные существа, обитающие в ней, ведут себя так же, как и их сородичи из кельтских легенд, действуют согласно кельтским представлениям и ведут себя настолько беспокойно, что многие антропологи были вынуждены описывать кельтов как «убежденных сангвиников». Как правило, этим существам незнакомы дружелюбие и гуманность. Если в той или иной истории нам встречаются добрые эльфы, обитающие в лесу герцогства, то у нас не возникает ни малейшего сомнения в том, что они переселились сюда из французских легенд и поэтому намного более дружелюбные, чем беспокойные местные духи.

Броселианд

Броселианд – самое известное из всех мест в Бретани, где, по легенде, обитают фейри. Здесь в сумерках часто слышат отдаленный звук их колоколов. В самом названии Бросели-

анд будто объединились нежные чары, тревожащая умы людей загадочность, древняя бретонская магия и верования. Воистину так могла бы называться редчайшая книга библиотеки поэтического и традиционного романа.

«Я пришел, чтобы увидеть чудеса, — написал давным-давно Вас, — лес, что я увидел, землю, что я увидел. Я искал чудеса, но не увидел ни одного. Дураком я вернулся, дураком пришел, дураком пришел, дураком и вернулся. Я увидел лишь глупость. Я считаю себя настоящим дураком».

В наше время люди стали значительно менее скептически настроенными, чем тогда, когда жил он. Мы не находим ничего глупого в том, чтобы путешествовать в поисках красоты, и если не ожидаем увидеть чудеса или самих фейри, то все равно в глубине души мечтаем об этом. Мы, не задумываясь, углубимся в зачарованный лес и в его волшебном полумраке станем думать о том, что в любой момент нас могут схватить, окутать своими чарами дриады, или мы вдруг окажемся в тонких сетях фантазии, развешанных среди этих теней для неосмотрительных смертных.

Стоя в окруженном сказочным волшебством Броселианде, упоминающемся во множестве легенд, тени которого отражаются в темных озерах, в которых не видно звезд, дух Бретани чувствуешь намного более отчетливо, чем бродя по ее неприветливому изрезанному побережью, тревожимому серыми беспощадными северными морями, или по вересковым пустошам, где до сих пор в беспорядке стоят памятни-

ки, сохранившиеся со времен далекого языческого прошлого. Дело в том, что именно в этом лесу происходит действие большинства легенд о короле Артуре, которому посвящены тысячи историй, рассказываемых в этой стране. Подобно Васу, он верил в то, что нашел если не чудеса эльфов, то, по крайней мере, почву для фантазий, породивших многие легенды о Броселианде.

Но мы должны очень осторожно вести себя в этой сумеречной глуши, потому что бретонские фейри вовсе не похожи на своих «коллег» из других стран. В поверьях об обитателях лесов говорится, что они довольно злокозненны. Письменные источники в Бретани – большая редкость, но каждый из них – лишний повод для радости. Они горько-сладкие, подобно грустной мелодии, которую музыкант выводит на древней арфе.

Бретонских фейри нельзя назвать друзьями людей. Они не «добрый народ» и не «крошечный народец». Их имена не внушают любовь, которую могли бы испытывать по отношению к ним благодарные крестьяне. Холодные и недружелюбные, они стараются держаться подальше от людей и, если им удастся встретить человека, самым жестоким образом выражают свое недовольство тем, что он прервал их занятия.

Мы точно не знаем, как появились бретонские фейри. Они могли быть «преемниками» более древних богов или простыми анимистическими духами, посещавшими эти поляны с того момента, как люди впервые поселились на них. С

уверенностью можно сказать лишь то, что на этом странном изолированном полуострове на все, связанное с фейри, был наложен строжайший запрет церкви. Более благоприятное отношение к ним религиозных властей могло бы способствовать их первым робким попыткам подружиться с людьми, но все начинания были отвергнуты, и сейчас легендарные существа считаются злобными и деятельными противниками смертных, готовыми в любой момент испортить жизнь благочестивому крестьянину из-за того, что он, во-первых, набожен, а во-вторых, занимается земледелием.

Корриганы

Самыми жестокими лесными духами, о которых говорится в бретонских легендах, заслуженно стали корриганы, способные опутать своими чарами сердце даже самого верного деревенского парня и обречь его на гибель, заставив полюбить себя. Берегитесь ключей и колодцев леса Броселианд – именно там можно чаще всего встретить этих существ. Их можно узнать по светлым волосам, «похожим на золотую проволоку» (так Спенсер описывает свою даму), красным сверкающим глазам и постоянно улыбающимся губам. Но если вы хотите быть обманутыми одной из корриган, вам лучше всего прийти ночью к источнику, в котором она обитает, потому что эти существа боятся даже полумрака, царящего в Броселианде днем. Крестьяне, рассказывающие о

них, говорят, будто корриганы – это бретонские языческие принцессы, не принявшие христианство, когда святые апостолы принесли его в Арморику. За это они, изгнанные и отверженные, вынуждены жить здесь вечно.

Правитель Нанна

Правитель Нанна был очень счастлив, потому что однажды его супруга подарила ему двоих прекрасных детей – мальчика и девочку. Оба они были белы, как майский цветок. Охваченный радостью, счастливый отец обещал своей жене выполнить ее самое заветное желание. Она, не зная, что выбрать, под влиянием какой-то странной фантазии, попросила его принести ей блюдо вальдшнепов с расположенного в долине озера или оленину из леса. Правитель Нанна схватил копье и, вскочив на своего вороного коня, направился к лесу, где он остановился, чтобы прочитать след благородного оленя. Внезапно перед ним появилась серебристая самка и, подобно серебряной тени, убежала в лес.

Увидев добычу, правитель последовал за ней в глубь леса. Его жертва маячила далеко впереди среди листвы, и, захваченный погоней, он попал в самую глухую чащу. Он оказался на небольшой поляне, на которую через переплетающиеся листья попадал солнечный свет, образуя яркие пятна, и увидел странную девушку, сидящую на краю заброшенного колодца. Она расчесывала золотистые волосы и укладывала

их при помощи золотых заколок.

Правитель низко поклонился, попросив разрешения напиться. Он уже стал нагибаться, чтобы погрузить губы в воду, когда она на него взглянула. Глаза ее были странные – не голубые, как у его жены, и даже не серые, не карие и не черные, как у других женщин, а красные, подобно крови, пульсирующей в сердце голубя, – и грубо заговорила с ним.

– Кто ты такой, чтобы тревожить воды моего источника? – спросила она. – Знаешь ли ты, что твое поведение заслуживает смерти? Этот колодец заколдован, и, выпив из него, ты умрешь, если не выполнишь одно условие.

– Какое? – спросил правитель.

– Ты должен за час жениться на мне, – ответила девушка.

– Юная леди, – ответил он. Я не могу выполнить твое желание, потому что у меня уже есть честная жена, родившая мне сегодня сына и дочь. Я не умру до тех пор, пока Благый Бог не решит, что пришла моя пора. Тем не менее я прекрасно знаю, кто ты. Лучше я умру на месте, чем женюсь на корригане.

Вскочив на своего коня, правитель развернул его и помчался вон из леса. Приехав домой, он почувствовал, что болен. В воротах замка стояла его мать, решившая, что должна лично рассказать ему о том, какое радостное событие произошло с его женой. Но, не поднимая глаз, он обратился к ней со словами, которые так часто встречаются в фольклорных историях всех народов:

– Милая мама, если ты любишь меня, постели мне постель. Я смертельно болен. Не говори ни слова моей жене, потому что через три дня меня положат в могилу. Я встретил корригану, и она наказала меня.

Через три дня молодая супруга спросила свекровь:

– Скажите, мама, почему звонят колокола? Почему священники так громко молятся?

– Ничего не случилось, дочь моя, – ответила пожилая женщина. – Этой ночью умер бедный незнакомец, который жил здесь.

– А где правитель Нанна? Мама, где он?

– Он уехал в город, дитя мое, и скоро он вернется к тебе.

– Мама, давайте поговорим о чем-нибудь хорошем. Какое платье: красное или голубое – мне лучше надеть в церковь?

– Ни то ни другое, дочь моя. Мода изменилась. Теперь все носят черное.

Влекомые повествованием, мы попадаем в церковь, куда молодая жена отправилась, чтобы поблагодарить Господа за то, что Он подарил ей детей. Она увидела, что семейная усыпальница открыта, и в ее сердце поселился ужас. Она еще раз спросила свою свекровь, кто все-таки умер, и пожилая женщина в конце концов вынуждена была признаться: совсем недавно похоронили правителя Нанна.

Той же ночью молодую супругу погребли рядом с ее возлюбленным мужем. Местные крестьяне рассказывают, будто над могилой выросли два деревца, ветви которых тесно пе-

реплелись между собой.

Богиня Эльда

В глубине озера Тегид, в Уэльсе, жила Керидвен, богиня плодородия, у которой был волшебный котел — неотъемлемый признак божества изобилия. Подобно Деметре, ее связывают с безвредной свиньей, символом многих богинь-матерей, которая сама по себе олицетворяет плодородие. Как и корриганы, Керидвен ассоциировалась с водой, благодаря которой растет все живое. Конечно, христианская религия превратила эту потерявшую доверие своих приверженцев богиню в злобное существо, единственной целью которого было уничтожить душу человека. Возможно, с корриганами и Керидвен связана Тридван, или святая Тридвана, почитаемая в Ресталриге, недалеко от Эдинбурга. Там верили, будто она владеет одним из колодцев, к которому неустанные пилигримы на протяжении многих веков приносили подношения.

Существует множество историй, в которых говорится о том, как корриганы похищают детей, оставляя вместо украденного ребенка уродца. Но корригана была больше волшебницей, чем ужасным существом. Мановением своей волшебной палочки она могла превратить укрытие из листьев, где жила, в подобие зала замка, который несчастный странник, соблазненный ею, после скитаний по чаще принимал за рай.

Этот воображаемый замок или дворец она наполняла всем, что могло порадовать глаз, и, когда обреченный странник сиделся, пораженный ее красотой и красотой девяти ее служанок, в его сердце селилась неуголимая страсть к ней. То, что он ценил и любил прежде, — честь, свою жену, даму сердца или невесту — переставало что-либо значить для него, и он с неистовым жаром бросался к ногам своей лесной Цирцеи. Но с первым лучом солнца чары рассеивались, и корригана превращалась в отвратительную ведьму, настолько же уродливую, насколько прекрасной она была до этого. Стены замка и все великолепие, находившееся в нем, снова превращались в деревья и заросли, ковры — в мох, гобелены — в листья, серебряные чаши — в дикие розы, а ослепляющие зеркала — в лужи с застоявшейся водой.

Ненарушенная клятва

Сэр Роланд Бретонский едет через мрачный Броселианд, на одно лье опережая свое войско. С ним нет ни сопровождающего, ни пажа. Изображение красного креста на его плече свидетельствует о том, что он дал клятву отправиться в Палестину, и, проезжая по покрытой листьями дороге, он боится, что опоздает и не успеет вовремя прибыть на место собрания, став самым медлительным рыцарем из всех, обещавших освободить Святую землю от мусульман. Опасаясь, как бы это действительно не произошло, он пришпоривает свое-

го измученного коня и несется через призрачный лес. С тревогой рыцарь наблюдает, как садится солнце и яркая луна поднимается над верхушками деревьев, бросая голубоватый свет, просачивающийся через листву, на мшистую землю.

Возвращаясь из Крестового похода, Роланд дал торжественную клятву, что никогда не будет общаться с девушками, перед которыми никто так не преклонялся, как он. Больше никогда не будет он танцевать с ними и не сможет поцеловать их губы. Он стал служителем Креста. Он не имеет права взять девушку за руку, если его рука не будет в перчатке, ему запрещено сидеть рядом с нею. Также, если ночь застанет его в дороге, он не должен останавливаться, пока не рассветет. «Я ничем не рискую, – с небольшой долей грусти смеется он, еще сильнее прищипывая коня. – Вряд ли мне удастся до рассвета нарушить здесь клятву».

Но, увидев, что луна садится, он решает отдохнуть в лесу, пока не рассветет, потому что без ее света не видно дороги. Он спешивается, привязывает лошадь к дереву и осматривается в поисках зарослей мха, которые мог бы использовать в качестве постели. Оглянувшись, он видит свет, исходящий из глубины леса. Хорошо зная традиции своей страны, сначала он решает, что перед ним блуждающий огонек или факел, который несет в руках странствующий эльф. Но, подойдя ближе, видит, что перед ним здание, окна которого ярко освещены, будто для праздника. «Клянусь, – говорит он. – Я прекрасно знаю каждый замок в этой местности Бретани,

но еще ни один сеньор не строил свое жилище в лесу Броселианд».

Он решает рассмотреть замок и подходит к нему ближе. У ворот нет ни стражника, ни лакея, а за дверями виден великолепный зал. Он входит внутрь и тотчас же слышит прекрасную музыку, которая распространяется по комнате, подобно дуновению ветерка. Шепот виол и нежный призыв флейт, подобные птичьему пению вдалеке, наполняют его душу. Роланда, как змей, проводник грешных мыслей, обвивающийся вокруг цветка, охватывает экстаз. Сжав свои четки, он уже собирается уйти, когда в конце зала внезапно открываются двери, и ему является воплощение красоты. На кушетке, обитой бархатом, сидит девушка настолько прекрасная, что все остальные женщины по сравнению с ней кажутся простыми судомойками. Волна золотистых волос растекается по ее спине, глаза сверкают, подобно звездам, ее улыбка кажется неземной. Вокруг нее стоят девять девушек, немного менее красивых, чем она сама.

Девушка поднимается и вместе со своими служанками подходит к Роланду. Она приветствует его и собирается снять перчатку с его руки, но он говорит, что дал клятву и ему нельзя снимать перчатки в присутствии женщины. Она ничего не отвечает. Затем просит его сесть рядом с ней на кушетку, но он снова отказывается. Слегка смутившись, красавица приказывает принести ужин. На столе появляются изысканные кушанья, но рыцарь даже не смотрит на них. То-

гда одна из девушек берет лютню и начинает умело играть на ней. Роланд слушает неподвижно, пока она, отложив инструмент, не начинает танцевать перед ним, кружа и порхая вокруг его стула, как бабочка. В конце концов она опускается рядом с ним и кладет голову на его одетую в броню грудь, поднимает к нему лицо, исполненное страсти, и смотрит на него влюбленными глазами. Сэр Роланд колеблется. Пораженный ее неземной красотой, он уже собирается нагнуться и поцеловать ее, но, как только наклоняет голову, она выскальзывает, увидев, что верхушки деревьев озарились первыми лучами солнца. Звезды бледнеют и пропадают, и ухо начинает различать звуки, сопровождающие восход солнца. Замок медленно преобразуется. Сверкающая крыша превращается в небесный свод, покрытые гобеленами стены становятся сросшимися друг с другом деревьями, превосходная мебель превращается в поросшие мхом насыпи и холмы, а ковры под заключенными в броню ногами Роланда теперь не отличить от обычной лесной земли.

А что же произошло с девушкой? Посмотрев вниз, сэр Роланд видит старуху, ужасную, как смертный грех. Ее лицо перекрашено от злобы. Услышав звук рога, она с громким воплем убегает. Когда на поляну въезжают люди Роланда, они видят его коленопреклоненным и перебирающим четки. Его уста шепчут благодарственную молитву за освобождение от зла, едва не сгубившего его. Роланд был спасен и не нарушил свою клятву!

Упоминание о девяти служанках корриганах заставляет вспомнить фрагмент труда Помпония Мелы: «Остров Сена (Иль-де-Сейн, недалеко от Бреста), в Британском море, недалеко от офисмийского побережья, славится своим оракулом галльского божества. Говорят, что ему служат девять жриц, давших обет девственности. Их называют галликеи и наделяют исключительной силой. При помощи своей магии они могут поднимать ветра и моря, превращаться в любое животное, лечить ранения и болезни, которые другие не в состоянии исцелить, предсказывать будущее. Но все это они делают только для мореплавателей, которые отправляются туда специально, чтобы проконсультироваться с ними».

Подобно сільфам и саламандрам, с юмором описанным Монфоконом де Вилларом в его книге «Граф де Габалис», корриганы стремились соединиться с людьми, чтобы получить вечную жизнь. По крайней мере, именно так считают современные бретонские крестьяне. «Именно поэтому они нарушают все существующие законы благопристойности». Подобные представления распространены во многих странах. Именно они отражены в рассказах о феях, о Лорелее, о несчетных колодцах и водяных эльфах. Такова и королева фей, уехавшая с Томасом Рифмачом:

Если ты рискнешь поцеловать мои губы,
Твое тело будет в моей власти.

В отличие от более благоразумного сэра Роланда Честный Томас рискнул и был унесен в королевство, прекрасно описанное автором средневековой баллады, в которой отражена вся поэтичность рассказа.

Мерлин и Вивиен

Это произошло все в том же зеленом Броселианде. Вивиен, еще одна феяри, хитрая хозяйка заколдованного озера, наставница Ланселота, сделала так, чтобы Мерлин никогда больше не вернулся в Камелот и не помогал своими пророчествами королю Артуру.

Но что об этом рассказывают сами жители Броселианда? Давайте послушаем их версию легенды, которая в последнее время подверглась такой острой критике и которая встречается по крайней мере в половине многочисленных интерпретаций этой истории, как прозаических, так и стихотворных. Предлагаю узнать броселиандскую версию событий, произошедших в Броселианде. Несомненно, в местных легендах должно говориться намного больше о волшебстве Мерлина, чем в историях, рассказываемых в Британии. Ведь он уехал оттуда, чтобы обрести рай именно здесь, в Бретани, – согласно местной версии повествования, он остался не из-за сковавшей его магии, а из-за любви к лесной нимфе-феяри.

Мерлин, одетый учеником, однажды майским утром путешествовал по полянам Броселианда. Вдруг, подобно пра-

вителю Нанна, он вышел к прекрасному источнику, расположенному в самом сердце леса. Волшебник решил остановиться возле него и отдохнуть. Когда он сел и задумался, на краю воды появилась Вивиен, дочь правителя Броселианда. В ее отца влюбилась феяри долины, предсказавшая их дочери, что ее полюбит мудрейший человек в мире, что он будет готов выполнить любое ее желание, но никогда не сможет заставить ее ответить взаимностью.

Вивиен присела по другую сторону от источника, и взгляды мудреца и девушки встретились. Тогда Мерлин встал, решив, что ему пора уходить, и вежливо поклонился даме. Но она, разозлившись и подумав, что обычного вежливого прощания для нее маловато, пожелала ему счастья и уважения. Ее голос был настолько прекрасным, а взгляд – выразительным, что Мерлин, позабыв обо всем, спросил, как ее зовут. Она представилась ему дочерью хозяина этой местности и также поинтересовалась, кто стоит перед ней.

– Ученик, возвращающийся к своему учителю, – ответил он.

– Вашему учителю? И чему же он учит вас, молодой господин?

– Он обучает меня магии, милая девушка, – ответил озадаченный Мерлин. – Благодаря его науке я могу мгновенно построить замок и расположить в нем отряд могучих воинов. Я могу сделать так, чтобы из того места, где вы сидите, потекла река. Я могу вызвать духов из глубин, на которых зи-

ждется этот мир, и вижу далекое будущее, вплоть до конца света.

– Как бы я хотела быть такой же мудрой! – вскричала Вивиен, и в ее голосе послышались нотки, унаследованные ею от матери. – Научи меня всему этому, благородный ученик, умоляю тебя. Прими от меня в качестве платы за обучение самую нежную дружбу.

Мерлин, которому захотелось доставить ей удовольствие, поднялся и нарисовал на земле несколько магических символов. Тотчас же на поляне, где они сидели, появилось множество рыцарей и дам, девушек и господ. Они танцевали и развлекались. На краю леса возник замок. В саду появились вызванные Мерлином духи, праздновавшие что-то, подобно рыцарям и дамам. Счастливая Вивиен спросила, как он достиг такого мастерства в магии, и он ответил, что со временем научит ее всему, что знает сам. Затем он отпустил духов и развеял замок по ветру, но оставил, по просьбе Вивиен, сад, назвав его Садам радости.

После этого он договорился с Вивиен, что они снова встретятся накануне Дня святого Иоанна.

Мерлин отправился на свадьбу Артура, своего короля, с Гвиневрой, которой он должен был руководить вместе с архиепископом Дубриком. Когда празднество завершилось, он вспомнил о своем обещании Вивиен, в назначенный день снова принял облик странствующего ученика и отправился на встречу с девушкой в лес Броселианд. Она терпеливо жда-

ла его в Саду радости, где они устроили торжественный пир. Но еда и вина ничего не значили для Мерлина – ведь он был с Вивиен, и одна лишь она царила в его мыслях. Она была прекрасна и свежа, подобно самому лесу, и ее карие глаза разожгли настоящий костер в его душе. Волшебник страстно влюбился в нее, и вся его мудрость не смогла остановить его.

Но сама Вивиен была спокойна, подобно озеру, окруженному деревьями, и ни один страстный вздох не вырвался из ее груди. Снова и снова она просила его поделиться с ней секретами, которые она так хотела узнать. Больше всего ее интересовали три вещи, благодаря которым она могла управлять стихиями. Она спросила волшебника, как можно сделать так, чтобы в сухом месте потекла вода. Каким образом можно принять любую желаемую форму? И наконец, как заставить другого уснуть?

– Зачем ты задала последний вопрос, милая девушка? – поинтересовался Мерлин, который, несмотря на свою страсть, все еще сомневался.

– Чтобы я могла усыпить своих родителей и прийти к тебе, Мерлин, – ответила она, вызываясь взглянув на него. – Потому что если они узнают, что я полюбила тебя, то убьют меня.

Мерлин замешкался и упустил шанс спастись. Он передал ей все тайное знание, которым владел сам. Восемь дней они жили вместе в Саду радости. За это время мудрец, к великому удивлению и удовольствию Вивиен, рассказал ей об уди-

вительных обстоятельствах своего рождения.

На следующий день он уехал, но вновь вернулся в Бросе-лианд, когда на краю леса зацвели розы эглантирии. Опять он надел костюм ученика. И обернулся молодым человеком, светлые локоны которого ниспадали на плечи, настолько красивым, что в сердце Вивиен расцвел нежный цветок любви. Она решила, что должна навсегда удержать его рядом с собой, но, прекрасно зная, что на самом деле ее возлюбленный уже немолод, сильно переживала из-за этого. Однако она не отчаялась.

– Возлюбленный мой, – прошептала она. – Поделишься ли ты со мной еще одним даром? Есть еще одна тайна, которую я хочу открыть.

Еще до того, как Вивиен произнесла эти слова, Мерлин знал, что она задумала, вздохнул и покачал головой.

– Почему ты вздыхаешь? – с невинным видом спросила она.

– Я вздыхаю потому, что судьба оказалась сильнее меня, – ответил мудрец. – Давным-давно мне предсказали – меня поймает в свои сети женщина, пленником которой я останусь навеки. Я не могу отказать тебе в просьбе. Вивиен восторженно обняла его.

– Ах, Мерлин, возлюбленный. Разве ты не должен вечно оставаться со мной? – страстно спросила она. – Ради тебя я отреклась от отца и матери. Разве не тобою наполнены все мои мысли и надежды?

Мерлин, увлеченный ее красноречивым признанием, смог ответить только:

– Проси то, чего ты хочешь.

Вивиен открыла ему свое желание. Он должен рассказать ей, какое заклинание нужно произнести, чтобы он навеки остался с ней, был связан с ней узами любви, чтобы ничто в мире не могло разлучить их. Повиновавшись, он передал ей заклинание, которое могло сделать его вечным пленником любви.

В лесу наступил вечер, и Мерлин прилег отдохнуть. Вивиен, услышав его спокойное глубокое дыхание и поняв, что он спит, девять раз обошла вокруг, помахав своим плащом над его головой и произнесла тайные слова, которым он научил ее. Проснувшись, мудрец увидел, что находится в Саду радости, а рядом с ним сидит Вивиен.

– Теперь ты мой навеки, – прошептала она. – Ты никогда не покинешь меня.

– Я буду счастлив вечно быть с тобой, – восхищенно ответил он. – И ты, возлюбленная моя, никогда не покидай меня. Умоляю. Ведь я обречен вечно любить тебя.

– Я никогда не покину тебя, – ответила она.

Так Мерлин покинул мир людей и навеки поселился вместе с Вивиан в Саду радости. Любовь победила мудрость.

В канонической версии этого рассказа Вивиен изображена иначе. В труде Гальфрида Монмутского и в «Смерти Артура» она злая колдунья, решившая повергнуть Мерлина. В

некоторых романах она отождествляется с Нимуэй, а в других говорится о том, что она дочь Диона, известного, вероятно, также под именем Дилана, бретонского морского божества. В образе хозяйки озера она становится кормилицей Ланселота. Следовательно, ее с легкостью можно отнести к категории духов воды, похожих на корриган.

Мерлин

Но Мерлин – совершенно другой персонаж. Вероятно, история о его любви к Вивиен появилась довольно поздно и была предназначена для того, чтобы рассказать, какая судьба ждала его после событий, описываемых в легенде о короле Артуре. Недавно было сделано предположение, что, «если он относится к языческому периоду [кельтских верований], его, вероятно, считали идеалом волшебника или богом-покровителем волшебников».

Кэнона Мак-Каллоха рассмешил один из поздних выводов сэра Джона Риса о том, что Мерлин был «кельтским Зевсом». Более поздние его выводы кажутся не менее спорными. Не стоит забывать о том, что представление о Мерлине как архимаге Артура появляется в основном в поздних франко-нормандских источниках и кельтской традиции. Вероятно, в бретонском фольклоре существовал похожий на Мерлина персонаж. В частности, история его жизни повторяется в рассказе о Лайлокене из Жития святого Кентигерна.

Исследование данной темы привело ученых к выводу о том, что легенда о Мерлине имеет композитный характер, она возникла в результате слияния различных традиций независимого происхождения, большинство из которых рассказывали бретонские барды и прорицатели. По сути, Мерлин – типичный кельтский друид или мудрец, и у нас нет ни малейших оснований для того, чтобы считать, будто его почитали как божество. Будучи легендарным предсказателем, он, очевидно, жил в период господства язычества, однако своей популярностью в романтической традиции он обязан в первую очередь Гальфриду Монмутскому.

Фонтан Барантон

Недалеко от Броселианда находится волшебный фонтан Барантон, укрытый холмами и окруженный непроходимыми лесами. Вот что пишет о нем автор XIII века: «О, как удивительны чудеса фонтана Броселианда! Если взять оттуда одну каплю и вылить ее на камень у потока, вода тотчас же превратится в пар, став большими облаками с градом. Воздух наполняется тенью, и в нем слышатся раскаты грома. Те, кому хватило мужества увидеть это чудесное знамение, сожалели об этом, потому что их сердца наполнялись ужасом, а страх парализовал их члены. Это чудо может показаться невероятным, но доказательств его существования слишком много для того, чтобы их отвергать».

Юону де Мери повезло больше, чем Васу. Он обрызгал волшебный камень, лежавший возле фонтана, водой из золотого резервуара, свисавшего с дуба, укрывавшего источник, и стал свидетелем многих чудес. Так же может сегодня поступить любой, кому дан дар видеть волшебство.

Броселианд

Ах, каким далеким и одиноким
Казался грустный, приятный звук рога
В зачарованном мраке леса!
Я видел, как тени королей проскакали мимо меня,
Но саваны смешались и прикрыли их доспехи,
И тропинки, поросшие мхом, заглушали топот коней,
Которые никогда не задыхаются.
Ах, что хотела фантазия
Сказать этим звуком,
Грустным, как стон духа?
Призыв из-за морей мира теней,
Призыв, который может понять лишь душа душ,
Но никогда, ах, никогда разум, сковывающий на глубины души.

Бруно из Ла-Монтани

В старой, сохранившейся лишь частично легенде о Бруно из Ла-Монтани говорится о духе-фейри. В ней отражены все представления жителей Бретани. Бутор, барон из области Ла-Монтань, будучи уже в годах, женился на молодой девушке. У них родился сын, которого барон отнес к фонтану, где любили отдыхать фейри.

Правитель поручил младенца заботам своего верного друга Бриана, и они вместе с отрядом вассалов направились к фонтану фейри. Ребенка они оставили в лесу Броселианд. Там его вскоре нашли феи.

– Эй, сестры, – сказала одна из них, чья кожа была такой же белой, как накидка из паутины, которую она носила. На ее голове сияла золотая корона, свидетельствующая о том, что она была их королевой. – Подойдите поближе. Здесь лежит младенец. Интересно, как он попал сюда? Могу поклясться, что вчера его здесь не было. Что ж, в любом случае, согласно нашему обычаю, ему нужно дать имя и наделить его всем необходимым. Что вы дадите ему?

– Я дам ему, – сказала одна из них, – красоту и грацию.

– Я наделю его, – откликнулась другая, – щедростью.

– А я, – произнесла третья, – такой силой, что он повергнет всех своих противников во время турниров и на поле боя.

Выслушав их заверения, королева сказала:

– Ничего вы не понимаете. Я сделаю так, чтобы в юности он влюбился в ту, которая не ответит ему взаимностью, и, несмотря на то что он будет таким, как вы хотите, – благородным, щедрым, красивым и сильным, ради его же блага ему придется страдать от неразделенной любви.

– Но, королева, – возразила одна из фей, – почему ты уготовила этому несчастному ребенку столь жестокую судьбу? Лучше я сама буду присматривать за ним, а когда он вырастет, попытаюсь стать предметом его нежных чувств.

– Все же, – ответила королева, – я не изменю своего решения. Ты не будешь растить этого младенца.

Затем феи исчезли. Вскоре вернулся Бриан и унес ребенка обратно в замок Ла-Монтань, куда вскоре пришла фея, обернувшись сиделкой.

К несчастью, манускрипт, содержащий этот рассказ, обрывается, и мы не знаем, как королеве фей удалось реализовать свой замысел. Но даже в этом фрагменте, поражающем читателей контрастностью сюжета, содержится многое о сущности фей, живших в Броселианде.

Фейри в фольклоре

Практически все обитатели фольклора ростом не отличаются от смертных. Не важно, откуда взялись фейри – являются ли они наследниками древних языческих божеств,

культы которых были забыты и отвергнуты (подобно ирландским сидам), или анималистическими духами, возникшими из представления о том, что у каждого предмета, как большого, так и маленького, есть душа, но весьма характерен тот факт, что в кельтском фольклоре эти существа обладают человеческим ростом, тогда как, например, у народов тевтонского происхождения они, как правило, изображались в виде карликов. Титания, очевидно, произошла из бедра титана, или, возможно, это Диана, спустившаяся на землю. Оберон, судя по всему, обладает иным происхождением и изначально был карликом, но в Англии эпохи Шекспира их представляли достаточно высокими для того, чтобы их роли на подмостках театра «Глобус» играли нормальные люди. Существует множество рассказов, в которых феи выходят замуж за смертных мужчин. При этом последние, как правило, не очень жалуют карлиц. Таким образом, фейри у кельтов вне зависимости от их изначального происхождения ростом не отличались от обычных людей.

В Верхней Бретани, где господствует французский язык, преобладают и французские представления о феях. Их, как правило, называют *fees* или *fetes* (от *лат.* *fata*), а иногда и фионами. Причем последние упоминаются в шотландском и ирландском фольклоре. До сих пор живы старики, утверждающие, будто видели фей. Они по-разному описывают этих существ, но все поголовно верят в то, что несколько поколений назад феи покинули землю. Один старик рассказывал,

что зубы их длиной с руку, а надеты на них платья из водорослей или листьев. Другой, опрошенный Себией, считает, что в целом феи очень походили на людей, их одежды были сделаны из единого куска ткани, и, просто взглянув на них, было невозможно сказать, мужчина перед вами или женщина. Их одеяния были самых ярких цветов, но, если кто-то подходил к ним слишком близко, эти яркие краски исчезали. На них были головные уборы, похожие на короны, которые, судя по всему, являлись продолжением их сущности.

Люди, живущие на побережье, утверждают, что фейри – это проклятый народ, приговоренный вечно скитаться на определенном клочке земли. Некоторые даже считают, будто они восставшие ангелы, которых временно сослали на землю, где они могли бы искупить свою вину перед небесами. Как правило, они живут в дольменах и гротах, а также в пещерах на берегу моря.

По берегам Канала разбросано множество гротов и пещер. Считается, что в них живут фейри другой категории. Высота некоторых из этих пещер составляет 20–30 футов. Они могут быть настолько глубокими, что далеко в них лучше не заходить. Другие – размером с большую комнату, в которой вполне может разместиться один человек. Обитатели этих мест, как и все существа такого рода, выбираются из своих жилищ только по ночам. Днем они незаметны потому, что мажутся специальным составом, делающим их невидимыми.

Пропавшая дочь

Жил-был в городке Сен-Каст работник по имени Марк Бордо, но, согласно обычаям страны, у него была кличка, поэтому называли его также Плут. Однажды, возвращаясь домой, он услышал, что из-под его ног раздается звук рога. Марк спросил своего приятеля, который шел вместе с ним, слышал ли тот что-нибудь.

– Конечно, – ответил он. – Это же рог феэри.

– Хм, – оживился Плут. – Тогда попроси, чтобы они принесли нам кусок хлеба.

Его приятель присел на колени и прокричал просьбу, но ничего не случилось, и они продолжили свой путь.

Пройдя немного вперед, они увидели, что на дороге растелена белоснежная салфетка, а на ней лежит кусок белого хлеба. Плут поднял его и увидел, что он намазан толстым слоем масла, а на вкус не менее приятен, чем кекс. Друзья разделили его и, наевшись, почувствовали, что голод полностью пропал. Но тому, кто хорошо поел, обычно хочется пить. Поэтому Плут, наклонившись и обращаясь к малому народцу, произнес: «Эй вы! Пожалуйста, принесите нам чего-нибудь выпить».

Он чуть не потерял дар речи, увидев, что перед ними, на земле, возник кувшин сидра и стакан. Плут наполнил его и, подняв к губам, большими глотками выпил сделанный эль-

фами сидр. Он был таким прозрачным и вкусным, что Марк не смог не заметить, что это лучший напиток из всех, которые он пробовал в жизни. Его приятель также выпил свой стакан, и, вернувшись этим вечером в деревню, они решили рассказать всем соседям занятную историю о том, как их угощали фейри. Но односельчане качали головой и грустно смотрели на них.

– Увы! Бедняги, – говорили они, – если вы ели еду фейри и пили их напитки, вы не лучше покойников.

Однако на протяжении нескольких дней с ними ничего не происходило, и однажды они со спокойной душой шли на работу через то же место, где встретили фейри. Оказавшись там, они почувствовали запах кексов, испеченных из ржаной муки, и ими сразу же завладел жуткий голод.

– Ух ты! – произнес Плут. – Фейри сегодня пекут кексы. Давай попросим у них один или два.

– Нет, не надо, – ответил его приятель. – Проси, если хочешь, но я больше не буду пробовать их пищу.

– Тьфу! – закричал Плут. – Чего ты боишься? – Затем он продолжил: – Эй вы, там, внизу! Принесите мне кекс.

Тотчас же перед ним появились два превосходных кекса. Плут схватил один из них, но, разрезав его, увидел, что тот сделан из волос, и с отвращением выкинул.

– Эй ты, старый злобный колдун! – прокричал он. – Ты решил посмеяться надо мной?

Но пока он говорил это, кексы исчезли.

В их деревне жила вдова, у которой было семеро детей, и ей с трудом удавалось прокормить это большое семейство. Она услышала рассказ о встрече Плути с феями и решила также испытать гостеприимство маленького народца, ведь ей нужно было каким-то чудесным образом наполнить целых семь желудков. Поэтому она решила пойти в грот, где, как она знала, живут феи, и попросить у них хлеба. «Конечно, – подумала она, – если этот хороший народец дает еду другим, то он не откажет мне, потому что нет никого, кто нуждался бы в ней больше». Подойдя к входу в грот, она постучала по его стене, будто просила открыть дверь. Тотчас же перед ней возникла маленькая пожилая дама, на боку которой висела огромная связка ключей. К ней, как к скале, пристали моллюски, мох и лишайник. Вдове показалось, будто этой женщине по меньшей мере тысяча лет.

– Чего ты хочешь, добрая женщина? – спросила она.

– Сжалось, мадам! – ответила та. – Можно ли попросить у вас немного хлеба для моих семерых детей? Дайте мне его, умоляю вас, и я стану упоминать ваше имя в своих молитвах.

– Я здесь не хозяйка, – ответила старая дама. – Я всего лишь привратница и не выходила отсюда по меньшей мере сто лет. Возвращайся завтра. Я постараюсь замолвить за тебя словечко.

На следующий день, в то же время, вдова снова пришла к пещере. Старая привратница уже ждала ее там.

– Я рассказала о тебе, – произнесла она. – Вот тебе кусок

хлеба. Те, кто прислал его, желают поговорить с тобой.

— Проводите меня к ним, — ответила вдова. — Я готова поговорить с ними.

— Не сегодня, — возразила привратница. — Возвращайся завтра, в то же время, и я отведу тебя.

Вдова возвратилась домой и рассказала соседям о своей радости. Все они пришли посмотреть на кусок хлеба, испеченного фейри, и многие попросили поделиться с ними.

На следующий день бедная вдова вернулась к гроту, надеясь, что снова будет благодетельствована маленьким народом. Как обычно, у входа ее ждала привратница.

— Что ж, милая женщина, — произнесла она. — Пришелся ли тебе по вкусу мой хлеб? Вот дама, которая благодетельствовала тебя.

И она указала на прекрасную женщину, вышедшую из пещеры с улыбкой на устах.

— О, мадам, — сказала вдова. — Я всем сердцем благодарна вам за вашу щедрость.

— Этого куска хватит надолго, — ответила фея.

— Увы! — возразила вдова. — Прошлым вечером все мои соседи попросили, чтобы я поделилась с ними, и теперь хлеб полностью съеден.

— Что ж, — ответила фея, — я дам тебе еще один кусок. Сколько бы ты и твои дети ни отрывали от него, он не уменьшится и всегда будет свежим, но, если ты дашь хотя бы одну крошку чужаку, хлеб исчезнет. Но у меня есть одно условие.

Я помогла тебе, и ты, в свою очередь, должна помочь мне. У меня четыре коровы, и я хочу выгнать их на пастбище. Пообещай мне, что одна из твоих дочерей станет присматривать за ними.

Вдова пообещала ей это и на следующее утро отправила одну из дочерей пасти коров, которых выгнали на поле, где почти не было травы. Там ее увидела соседка и спросила, что она делает в этом безжизненном месте.

– О, я слежу за коровами фейри, – ответила та.

Женщина посмотрела на нее и улыбнулась, так как никаких коров она не увидела и решила, что у девочки помутился разум.

Вечером фея из грота пришла, чтобы угнать коров с пастбища, и сказала маленькой пастушке:

– Хочешь ли ты стать крестной матерью моего ребенка?

– С радостью, мадам, – ответила девочка.

– Тогда никому не рассказывай об этом, даже своей матери, – велела ей фея. – Если ты сделаешь это, я больше никогда не дам вам еды.

Через несколько дней фея пришла к девочке и сказала ей, что та должна на следующий день прийти к пещере, потому что именно тогда младенцу дадут имя. Так девочка и поступила. Став крестной матерью маленького фейри, она оставалась у них несколько дней, а когда уходила из грота, ее крестник уже почти вырос. Правда, потом выяснилось, что она провела с маленьким народом целых десять лет, и мать

давно уже считала ее умершей. Пока ее не было, феэри попросили, чтобы бедная вдова прислала другую свою дочь пасти их коров.

Когда пропавшая вернулась в деревню и пришла домой, мать встретила ее плачем. Девочка никак не могла понять, что произошло, – ведь она провела с феэри всего два дня.

– Два дня! – вскричала ее мать. – Да тебя не было целых десять лет! Посмотри, как ты повзрослела!

Придя в себя, девушка вернулась к своим обязанностям по дому, будто ничего странного не произошло, и связала для своего крестника пару носков. Закончив вязание, она отнесла их к гроту, где, как ей показалось, провела всего один день. Но на самом деле ее не было пять лет. Когда она уходила, ее крестник дал ей кошелек, полный золота, сказав:

– Этот кошель полон золота. Как только ты возьмешь оттуда одну монету, на ее месте тотчас же возникнет другая, но, если им воспользуется кто-то другой, он утратит волшебные качества.

Вернувшись домой, девушка узнала, что ее мать умерла, братья уехали за границу, а сестры вышли замуж. Теперь она осталась в доме одна. Красавица и прекрасная хозяйка, она не знала недостатка в ухажерах и в конце концов вышла замуж за одного из них. Девушка ничего не сказала мужу о кошельке, который дали ей феэри. Когда ему требовались деньги, она тайно вытаскивала для него один золотой. Больше она никогда не возвращалась в пещеру феэри, потому

что не хотела, придя домой, увидеть, что ее супруг уже успел стать стариком.

Рыбак и феи

Рыбак из Сен-Жакю-де-ла-Мер, возвращаясь однажды вечером из плавания домой по влажному песку пляжа, сам того не подозревая, забрел в пещеру фей. Они весело болтали и смеялись, а рыбак наблюдал, как они, веселясь, натираются какой-то мазью или помадой. Вдруг, к величайшему удивлению морского волка, все они превратились в обычных женщин. Спрятавшись за скалой, он следил за ними, пока эти полностью преображенные бессмертные существа не покинули свое укрытие в образе старых торговок.

Рыбак дождался, когда они скроются из вида, зашел в пещеру. Первым предметом, на который упал его взгляд, был горшок с мазью, благодаря которой произошло виденное им чудесное превращение. Он взял немного средства указательным пальцем и обмазал им свой левый глаз. Вскоре он понял, что может различать, какой облик приняла фея, где бы ее ни встретил. Также он узнал, что делают они это для обмана. Так, он увидел, как фея, приняв облик нищенки, ходила от двери к двери, прося подаяние. На самом деле она выискивала возможность что-нибудь украсть или причинить какой-нибудь вред. К тому же она произносила заклинания над теми, кто был щедр к ней. Помимо этого, он сумел от-

личить настоящую рыбу, попавшую в его сети, от русалки, принявшей ее облик и стремившейся порвать сеть или как-то иначе досадить рыбаку.

Но нигде феи не вели себя так ужасно, как в Плубале. Там рыбак увидел нескольких из них, притворявшихся комедиантами, предсказателями и так далее. Они приняли этот облик для того, чтобы обманывать людей. Он тихо улыбался, наблюдая их проказы, но одна из фей, возглавлявшая труппу, стоя перед одним из киосков, стала очень пристально рассматривать его. Рыбак тотчас же понял, что они раскрыли его секрет, но, прежде чем успел что-либо предпринять, одна из них бросила палку, да так сильно, что та вонзилась в его левый глаз.

Фейри всех стран по вполне понятным причинам всегда не нравилось, когда их узнавали, но жившие в Бретани, судя по всему, обрушивали свою месть на тех, кто их видел. «Смотрите, какие воры эти фейри!» – прокричала одна женщина, увидев, как один из них вытаскивает яблоки из кармана крестьянки. Мстительный эльф тотчас же обернулся и вырвал ей глаз, при помощи которого она увидела его преступление.

Одной корнуолльской женщине, когда выяснилось, что она ухаживает за маленьким эльфом, дали специальную жидкость, которой нужно было смочить его лицо. Благодаря этому она смогла увидеть его настоящий облик. Но ее стало терзать любопытство, и она решила попробовать это сред-

ство на себе. Немного жидкости попало ей в глаз, после чего она научилась видеть фейри. Однажды на рынке она заметила, как один из них ворует, и подняла тревогу. Тогда рассерженный дух прокричал:

Вода для эльфа, не для тебя.

Ты потеряла глаз, ребенка и саму себя.

Женщина тут же ослепла на правый глаз, ее подкидыш-фейри исчез, а она вместе с мужем провела остаток жизни в нищете.

В другой бретонской легенде говорится о том, что одной женщине дали отполированный камень, напоминающий по форме яйцо, которым она должна была протереть глаза ребенка-фейри. Она решила приложить его к своему правому глазу и смогла различать эльфов. В другом случае, описанном в «Кельтском обозрении», дар возник из-за «священной связи» между мужчиной-фейри и смертной женщиной, которые были крестными родителями ребенка. Благодаря этому женщина приобрела возможность видеть сверхъестественное. В одной из бретонских сказок, рассказанных в Сен-Касте, фея Рокфлауэр наделила этим даром своего возлюбленного, после чего его глаз стал «таким же ясным, как и ее».

Подкидыши

Бретонские фейри, как и другие их собратья, обожают похищать смертных детей, заменяя их морщинистыми эльфами, создающими множество проблем убитым горем родителям. Семья могла избавиться от подкидыша, только чем-то сильно его удивив – тогда он принимал свой настоящий облик. Так, если у родителей возникало подозрение в том, что их ребенок на самом деле эльф, они кипятили на огне молоко, разлив его по яичным скорлупкам, ожидая, что ребенок закричит: «Мне скоро будет сто лет, но я еще никогда не видел, чтобы молоко кипятили в скорлупках. Я родился в Пифе и Пафе, в стране, где делают кошек, но еще никогда не видел ничего подобного!» После этого разоблаченный эльф уходил из дома. В большинстве северных историй, в которых говорится о том, как подкидыш выдает себя, он взлетает, и тут же появляется процессия эльфов, несущих настоящего ребенка. Помимо этого, известен еще и другой способ: если возникали какие-то подозрения, потенциального эльфа могли попытаться рассмешить. Это еще одно доказательство его волшебного происхождения.

«Нужно сделать, – пишет Симрок, – что-нибудь нелепое, чтобы заставить его рассмеяться, ибо смех приводит ккрепощению». Те же советы даются и в английских, а также шотландских рассказах о подкидышах.

Король рыб

Бретонские фейри часто принимали облик животных, птиц и даже рыб. Я уже писал о том, что морские фейри из Сен-Жакю-де-ла-Мер любили превращаться в рыб, чтобы досаждать рыбакам и рвать их сети. В другой бретонской легенде, которую рассказывают в Сен-Касте, также говорится, что им очень нравилось принимать этот облик. Однажды рыбаку, жившему в этом городе, удалось поймать короля рыб, обернувшегося маленькой золотой рыбкой. Он умолял мужчину отпустить его и пообещал взамен каждый день наполнять сети своими подданными. Благодаря этому монарх с плавниками получил свободу. Он выполнил свое обещание. Более того, когда однажды лодка рыбака опрокинулась во время шторма, появился король рыб и, приложив фляжку к губам тонущего человека, заставил его выпить волшебную жидкость, с помощью которой тот сумел дышать под водой. Он привел рыбака в свою столицу, полную великолепия и чудес, украшенную золотом и драгоценными камнями. Нищий рыбак наполнил карманы различными предметами, подобранными им по дороге. Несмотря на то что этот случай заметно беспокоил короля, он с поистине монаршей вежливостью сказал смертному, что тот в любую минуту может уйти. Рыбак выразил сожаление о том, что вынужден так быстро покинуть это замечательное место, но добавил, что, ес-

ли задержится надолго, его жена и дети решат, будто он погиб. Король рыб призвал огромного тунца, чтобы тот, подобно дельфину, на котором ехал Арион из древнегреческого мифа, отвез рыбака домой. При этом тунец «прогнул спину так, чтобы она стала похожей на седло». Тогда человек тут же схватился за его колючий плавник и взобрался на загривок. Рыба быстро выбралась на мелководье, а затем высадила своего седока на берег.

Провожая рыбака, король рыб снабдил его неистощимым кошельком. Возможно, это был намек на то, что последний впредь не должен больше беспокоить его морское величество.

Происхождение фейри

С самых ранних пор бретонцев интересовали два вопроса: все ли фейри их страны враждебно относятся к людям, а также откуда в фольклоре возникло мнение о том, что все они обязательно должны быть злыми? Можно привести бесконечное множество примеров того, что фейри Бретани редко бывают расположены к смертным, что они склонны к недоброжелательности и злорадству, а порой поступают даже чересчур жестоко. Убеждение в том, что эльфы считают целью всей своей жизни доводить смертных до белого каления, используя специальные трюки, бессмысленные и вредоносные, должно базироваться на прочных основаниях. О ду-

хах, дружелюбно настроенных к людям, говорится очень редко. Однако и в данном случае мотивы их поступков вполне объяснимы – «дружелюбным» фейри самим что-то нужно от человека.

Подобная ситуация могла быть вызвана двумя причинами. Во-первых, в фейри, в число которых входят духи, обитающие в домах или на полях, могли «превратиться» люди, жившие в стране в доисторическую эпоху и оттесненные в отдаленные ее части неизвестными пришлыми завоевателями. Возможно, представители этого неизвестного народа были похожи на эльфов или гномов либо обладали другими особенностями, поразившими новоприбывших. Вероятно, последние с некоторым пренебрежением относились к маленьким смуглым аборигенам, которые, в свою очередь, излили на высоких красивых завоевателей всю ненависть, на которую только были способны. Они никогда не приближались к чужакам, если их не принуждали к этому, но пытались доставить последним как можно больше неудобств и неприятностей. В таком случае мы можем с полной уверенностью говорить о том, что магия, применяемая этим завоеванным и униженным народом, была всецело направлена на порчу земли, которую пахали узурпаторы, и обман, ставший впоследствии основой для рассказов о выходках эльфов. Все это должно было сделать жизнь новоприбывших максимально некомфортной.

Однако против этой точки зрения на происхождение эль-

фов есть несколько возражений. Прежде всего стоит обратить внимание на то, что в фольклоре самих исконных доисторических жителей Европы рассказывается о маленьком народце, духах полей и лесов, рек и холмов. Вряд ли люди когда-либо обходились без них.

Анимизм, вера в то, что в каждом предмете и существе живет свой дух, несомненно, возник в более поздний период, так как в число предметов, обнаруженных в погребениях местных жителей и предназначенных для того, чтобы покойные взяли их с собой в потусторонний мир, входит и оружие. С его помощью покойный должен был победить злых духов, которые, как тогда, вероятно, считали, окружали его после смерти. Древний человек, как правило, полагал, что духи значительно ниже его ростом. Он видел в глазах своего собеседника отражение «маленького человечка» и думал, будто это его «душа». Действительно, некоторые примитивные народы верили, что у каждой из нескольких частей человеческого тела есть своя душа. Помимо этого, дух зерна или дух цветка сам по себе должен быть маленьким. Вероятно, именно таким образом возникла вера в маленький народец, представители которого вплоть до наших дней сохранили свой крошечный рост.

Другая, намного более обоснованная теория о том, как возникла вера в фейри, связана с тем, что наши предки видели в них не людей, а воплощение богов свергнутой религии, которым поклонялось автохтонное население. Таковы были

ирландские сиды и уэльские имамай («матери»), без всякого сомнения боги кельтов. При этом, несмотря на то что во многих странах, особенно в Англии, о фейри говорят как о существах маленького роста, в кельтских областях они, в отличие от домовых и прочих гоблинов, не отличаются по росту от обычных смертных. Вероятно, именно таким образом их представляли и в Бретани. Вопрос о том, являются ли горрики и некоторые другие существа, воображаемые маленькими, фейри, остается спорным. Судя по всему, они относятся к категории духов полей, и, вероятно, более правильно их будет отнести к гномам. Именно поэтому мы поговорим о них в главе, посвященной эльфам и демонам. Также у нас есть основания полагать, что на изменение представлений жителей кельтских стран могло повлиять то, как изображались эльфы в тевтонском фольклоре Англии и Германии, из которого, вероятно, они и позаимствовали свои уменьшенные размеры.

Но это всего лишь предположения. Как бы странно это ни было, проблема фейри никогда не появлялась в фольклоре. Прежде чем делать какие-либо выводы относительно их происхождения, необходимо проделать еще очень много работы.

Margots

Фейри в Бретани называют также les Margots la fee (при-

мерно можно перевести как «волшебные сороки». – *Пер.*). Это название используется, как правило, в нескольких районах департамента Кот-дю-Норд, особенно в округе Сен-Бриё и Лаудаке для того, чтобы охарактеризовать тех фейри, которые обитают в скалах и на обширных вересковых пустошах, в изобилии встречающихся в этой стране. Они, в отличие от других своих собратьев, могут в любой момент стать невидимыми. Как и простые смертные, они подвержены болезням и часто с удовольствием прибегают к помощи людей. На добро они отвечают добром, но становятся непримиримыми врагами тех, кто хочет нанести им вред.

Но мстят фейри только тем смертным, которые по невнимательности нанесли им вред. Если кто-то из людей сможет выполнить задание, полученное им от бессмертных существ, обитающих в лесу, он окажется под угрозой смерти. Примером тому может служить приведенный ниже рассказ.

Парень, служивший фейри

Однажды бедный парень собирал хворост в лесу. Вдруг к нему подошел красивый, нарядно одетый господин и, увидев жалкого парня в рваной одежде, спросил его:

– Что ты здесь делаешь, мой мальчик?

– Я ищу дерево, сэр, – ответил тот. – Если я не найду его, у нас дома не будет огня.

– Вы ведь, наверное, очень бедны? – спросил господин.

– Мы настолько бедны, – произнес парень, – что едим только один раз в день, а часто и вовсе ложимся спать голодными.

– Это очень грустно, – произнес джентльмен. – Если ты пообещаешь встретиться здесь со мной через месяц, я дам тебе денег, благодаря которым твои родители смогут накормить и одеть твоих маленьких братьев и сестер.

В назначенный день парень углубился в лес и пришел в то же место, где месяц назад встретил того человека. Он долго стоял и внимательно смотрел по сторонам, но так и не увидел своего друга. Разволновавшись, он углубился в лес и подошел к берегу небольшого озера, где увидел трех девушек, собиравшихся искупаться. На одной из них было белое одеяние, на второй – серое, а на третьей – голубое. Парень снял шляпу и поздоровался с ними, а затем вежливо спросил, не видели ли они где-нибудь неподалеку джентльмена. Девушка, одетая в белое, рассказала, как его найти, и показала дорогу, пройдя по которой парень мог попасть в его замок.

– Он попросит тебя, – произнесла она, – стать его слугой. Если ты согласишься, он предложит тебе поесть. В первый раз, когда он предложит тебе еду, скажи: «Это я должен служить тебе». Во второй раз ответь то же самое, но, если он будет настаивать, решительно отвергни его предложение и отбрось тарелку, которую он попытается передать тебе.

Парень без труда нашел замок, и его тотчас же провели к господину. Как предсказывала девушка в белом, он предло-

жил гостю пойти к нему в услужение и, когда согласие было получено, поставил перед ним тарелку с едой. Тот вежливо поклонился, но есть отказался. Затем джентльмен повторил свое предложение, но и на этот раз парень ответил отказом. Когда же господин в третий раз попросил его поесть, тот отбросил от себя тарелку с такой силой, что она упала на пол и разбилась.

– Ага, – произнес господин. – Такой слуга мне и нужен. Отныне ты мой лакей, и, если сумеешь выполнить три моих задания, я выдам за тебя одну из своих дочерей, сделав своим зятем.

На следующий день он дал парню свинцовый топорик, бумажную пилу и тачку из дубовых листьев, попросив его вырубить, связать и измерить все деревья на участке в несколько лье. Юный слуга тут же принялся за работу, но свинцовый топор после первого же удара сломался, бумажная пила мгновенно скомкалась, а тачка из дубовых листьев развалилась сразу после того, как парень положил в нее первую же небольшую ветку. Он сел на землю, в отчаянии глядя на ставшие бесполезными инструменты. В полдень девушка, одетая в белое, которую он видел на пруду, принесла ему еды.

– О боже! – вскричала она. – Почему ты сидишь здесь и ничего не делаешь? Если мой отец придет и увидит, что ты не выполнил задание, он убьет тебя.

– Но я ничего не могу сделать с помощью этих бесполез-

ных инструментов, – проворчал парень.

– Видишь эту палочку? – спросила девушка, поднеся ему маленький прутик. – Возьми ее в руку и обойди лес, и работа будет сделана сама собой. Делая это, произнеси следующие слова: «Пусть деревья падают, связываются вместе и будут измерены».

Парень прислушался к ее совету и настолько преуспел, что сразу после полудня работа была закончена. Вечером господин спросил его:

– Выполнил ли ты мое задание?

– Да, сэр. Хотите посмотреть? Деревья срублены, связаны вместе и измерены.

– Хорошо, – ответил джентльмен. – Завтра я дам тебе второе задание.

На следующее утро он привел слугу к холму, расположенному недалеко от замка, и произнес:

– Видишь ли ты этот холм? К вечеру ты должен превратить его в сад с фруктовыми деревьями и прудом, полным рыбы, где будут также плавать утки и другая водная живность. Вот твои инструменты.

Он дал парню стеклянную кирку и глиняную лопату. Тот приступил к работе, но после первого же удара его хрупкие орудия разбились на тысячу осколков. И снова он сел, потеряв надежду. Время медленно проходило, и, как и в прошлый раз, в полдень девушка в белом принесла ему обед.

– Итак, я снова вижу тебя с опущенными руками, – про-

изнесла она.

– Но я не могу работать стеклянной киркой и глиняной лопатой, – посетовал парень.

– Вот тебе еще одна палочка, – сказала девушка. – Обойди этот холм, повторяя: «Пусть здесь вырастет прекрасный сад с фруктовыми деревьями, а в центре появится пруд с рыбой и плавающими по нему утками».

Парень взял палочку, сделал так, как посоветовала ему девушка, и работа вскоре была закончена. Как по волшебству на холме вырос прекрасный сад с фруктовыми деревьями всех видов и маленьким прудом.

И вновь хозяин был доволен результатом его работы. На следующее утро он дал парню третье задание. Господин привел его к одной из башен дворца.

– Посмотри на эту башню, – произнес он. – Она сделана из отшлифованного мрамора. Ты должен влезть на нее. На вершине увидишь горлицу, которую принесешь мне.

Джентльмен, поняв, что девушка в белом помогла парню выполнить два предыдущих задания, послал ее в город за продуктами. Услышав этот приказ, она убежала в свою комнату и залилась слезами. Ее сестры попытались узнать, чем она так огорчена. Тогда она сказала им, что хотела бы остаться в замке, и они пообещали поехать в город вместо нее. В полдень девушка пришла к башне и увидела молодого слугу, который сидел у ее подножия. Ведь он прекрасно понимал, что не сможет подняться по ее гладкой и скользкой поверх-

ности.

– Я пришла, чтобы еще раз помочь тебе, – произнесла девушка. – Ты должен найти котел, разрезать меня на части и бросить в него все мои кости до единой. Другого способа выполнить это задание нет.

– Никогда! – вскричал парень. – Я лучше умру, чем причиню вред такой красивой девушке, как ты.

– И все же ты должен сделать так, как я тебе сказала, – возразила она.

Парень долго сопротивлялся, но наконец уступил ее уговорам и, разрезав ее на куски, положил в большой котел все ее кости, кроме мизинца левой ноги. После этого при помощи волшебства он вознесся на башню, нашел горлицу и снова спустился. Выполнив это задание, он взял палочку, лежавшую возле котла, и сразу же после того, как он прикоснулся ею к костям, они собрались вместе, и из большого горшка вышла девушка, целая и невредимая.

Когда парень принес горлицу своему хозяину, тот сказал: – Хорошо. Я выполню свое обещание и дам тебе возможность выбрать одну из моих дочерей и сделать ее своей женой. Но когда ты станешь выбирать, ты не увидишь их лиц, потому что они будут закрыты вуалями.

Привели трех девушек, и парень с легкостью узнал ту, что помогала ему, ведь у нее не хватало мизинца левой ноги. Так что он без промедления выбрал ее, и они поженились.

Но господин не был рад этой свадьбе. В день бракосочета-

ния он поднял кровать новобрачных к потолку и прикрепил ее к нему четырьмя шнурами. Когда молодые отправились спать, он подошел к двери их комнаты и произнес:

– Зять, ты уже спишь?

– Пока нет, – ответил парень.

Через некоторое время он снова подошел к двери и повторил свой вопрос, услышав тот же ответ.

– Когда он придет в следующий раз, – посоветовала ему жена, – притворись спящим.

Сразу после этого тесть снова подошел к двери и задал свой вопрос и был вполне удовлетворен, не услышав ответа.

Сразу же после того, как он ушел, его дочь разбудила своего мужа.

– Быстро иди в конюшню, – сказала она. – Возьми там лошадь по имени Маленький Ветерок, сядь на нее и улетай.

Молодой человек тут же выполнил ее просьбу. Только он вышел из комнаты, как вернулся его хозяин и спросил, спит ли его дочь. Она ответила, что не спит. Тогда он, попросив ее встать и подойти к нему, обрезал шнуры, и кровать упала на пол. Девушка, услышав стук копыт, побежала к конюшне и увидела, что ее муж взбирается на лошадь.

– Стой! – прокричала она супругу, садясь позади него. – Ты взял Большого Ветра вместо Маленького. Но это уже не важно.

Большой Ветер оправдывал свое имя и ринулся в ночь подобно буре.

– Ты что-нибудь видишь? – спросила жена.

– Ничего, – ответил ее супруг.

– Посмотри еще раз, – произнесла она. – А теперь ты что-нибудь видишь?

– Да, – ответил он. – Я вижу большой костер. Девушка вытащила свою палочку, трижды взмахнула ею и произнесла:

– Я превращаю тебя, Большой Ветер, в сад, себя в грушевое дерево, а своего мужа в садовника.

Едва они успели превратиться, как их догнали владелец замка и его жена.

– Эй, добрый человек, – прокричал он мнимому садовнику. – Проезжал ли здесь всадник?

– Продаю три груши за одно су, – ответил садовник.

– Но ты не дал ответа на мой вопрос, – возразил старый волшебник. – Я спрашивал тебя, не видел ли ты здесь всадника.

– Тогда я продам вам четыре груши за су, если пожелаете, – ответил садовник.

– Идиот! – воскликнул колдун и продолжил погоню. Тогда грушевое дерево снова превратилось в молодую женщину. И лошадь, и парень также приобрели свой обычный вид. Опять вскочив на коня, они продолжили путь.

– А теперь ты что-нибудь видишь? – спросила жена.

– Да, вижу большой костер, – ответил ее супруг. Она снова достала свою палочку.

– Я превращаю этого коня в церковь, – произнесла она, –

себя – в алтарь, а своего мужа – в священника.

Очень скоро к дверям церкви подъехали волшебник и его супруга. Они спросили священника, не проезжали ли мимо верхом молодой мужчина и девушка.

– Dominus vobiscum («Господь с вами» (лат.)). – *Пер.*), – произнес священник.

Ничего больше колдуну не удалось от него добиться.

Когда преследователи снова стали нагонять их, молодая жена превратила лошадь в реку, себя – в лодку, а своего мужа – в лодочника. Подъехав к ним, волшебник попросил лодочника переправить его через реку. Тот сразу же согласился, но посреди реки лодка перевернулась. Колдун и его супруга утонули.

Молодая женщина и ее муж вернулись в замок, захватили сокровища его владельца и, как обычно говорится в таких случаях, жили долго и счастливо, как все молодые супруги из сказок.

Эльфы и демоны Бретани

Представления о злых духах, мстительных и злокозненных, характерны для всех древних народов. Бретань также может похвастаться прекрасно разработанной демонологией. Везде, где живут необразованные крестьяне, их неизбежно сопровождают демоны. И бретонские демоны не исключение, они очень похожи на своих «коллег» из других стран.

Нэны

Нэны – это зловещие уродливые существа кельтского происхождения, напоминающие горгулий. Они бросаются на путешественников с вершущек бретонских церквей. Черные, со страшной гримасой, эти демоны вооружены кошачьими когтями, а их ноги заканчиваются копытами, похожими на те, с которыми изображали сатиров. Те, кому довелось встретить этих существ на вересковых полях или пустынных дорогах, с ужасом описывают их темные спутанные волосы, маленькие блестящие глазки, красные, как карбункулы, и неприятные хриплые голоса. Эти существа обитают в древних дольменах, построенных исчезнувшим народом, а ночью, при бледном свете звезд, они танцуют вокруг этих заброшенных гробниц под музыку с незамысловатыми словами:

В понедельник, вторник, среду,
Четверг и пятницу.

Они не упоминают субботу и воскресенье, потому что это священные дни, запретные для фейри. Все мы прекрасно помним старую сказку про Мальчика с пальчик, где эльфы, у которых поселился герой, пели эту песню. Но почему? Объяснить это довольно сложно. Божества, независимо от того, сохранилась ли вера людей в них, всегда были связаны с календарем. Вероятно, здесь мы также имеем дело с ним, хотя мы не можем отрицать и то, что это обычное стихотворение, не обладающее каким-либо глубинным смыслом. Все возможные несчастья ждут того, кто решится нарушить полуночные пляски нэнов. Если он войдет в заколдованный круг и станет танцевать с ними, то его ждет смерть раньше, чем пройдет год после этого события. Любимым днем, точнее, ночью нэнов была среда, а их грандиозный ночной праздник приходился на первую среду мая. То, что их празднество проводилось именно в это время, было очень важно с религиозной точки зрения для большинства простых смертных, особенно тщательно почитавших их именно в этот период.

Несмотря на то что нэны проводили много времени, танцуя и повторяя названия дней недели, у них были и значительно менее невинные занятия. Именно они ковали в уеди-

ненных пещерах поддельные деньги. Все мы слышали истории о золоте фейри и том, с какой легкостью оно может исчезнуть. Простой парень продает что-нибудь на рынке одному из фейри, а потом, засунув руку в карман, где лежали полученные от покупателя деньги, он обнаруживает, что они превратились в бобы. Мать семейства получает от фейри золотой за оказанную ему помощь и бережно кладет монету в комод. Однажды женщина решает воспользоваться ею, открывает ящик, но вместо денег находит только небольшую кучку сухих листьев. Именно эти деньги куют нэны в своих подземных монетных дворах. Фейри разбрасывают монеты направо и налево, но они неизбежно оказываются всего лишь шлаком.

Нэнов также считают создателями загадочного алфавита, знаков, начертанных на некоторых мегалитах из Морбиана, особенно расположенных на острове Гавр-Инис. По поверьям местных жителей, тот, кто сумеет расшифровать эти символы, сможет найти сокровища, спрятанные по всей стране. Правда, я должен предупредить читателей, решивших отправиться в Бретань, чтобы попытать удачу. Вряд ли им удастся найти какой-то скрытый смысл в знаках огами-ческого письма, которое уже давно было расшифровано, или в змееобразных знаках, являющихся обычными символами. Таким образом, эти искатели приключений просто потеряют свое время и деньги.

Магия окутывает нэнов, подобно одежде. Они и проро-

ки, и прорицатели, и колдуны. Правда, делают они с помощью своего волшебства маленькие пакости, из-за которых бретонские крестьяне вздрагивают, слыша название этого страшного племени.

Крионы, курилы и горики

В Бретани верят в карликов, или гномов, которых в различных частях страны называют крионами, курилами или гориками. Последнее название очень похоже на слово «корригана». Вероятно, оба они произошли от одного и того же корня, который можно перевести как «дух». Подобно нэнам, эти маленькие существа живут в заброшенных памятниках друидов или под основаниями древних замков. Карнак в Бретани иногда называют Ти Харрикет, или Дом горики. Живущие здесь крестьяне считают, будто находящиеся там мегалиты сооружены этими человечками, которые, по описаниям местных жителей, ростом в два или три фута, но очень сильны. То же шотландские крестьяне говорят о пиктах. Каждую ночь горики танцуют вокруг камней Карнака. Если смертный помешает их веселью, его заставят присоединиться к танцу, и он вынужден будет плясать с ними, пока, бездыханный и обессиленный, не упадет на землю под звуки веселого хохота. Как и нэны, горики охраняют спрятанные сокровища. По легенде, под одним из камней Карнака зарыт золотой клад, а все остальные мегалиты были поставлены там

для того, чтобы лучше спрятать его и запутать тех, кто решит его искать. Сокровища можно найти, сделав специальный подсчет, ключ к которому находится в лондонском Тауэре. Здесь следует отметить, что древняя английская крепость часто упоминается в бретонской и кельтской традиции. Вероятно, это связано с тем, что некоторые из переселенцев, отправившихся из Англии в Арморику, прежде жили в поселении, которое впоследствии стало Лондоном, и могли принести с собой на новую родину свои сказки о древней британской крепости. Курилы обычно живут на руинах Тресмалуэна. Как и горики, они любят танцевать. К тому же они очень опасны для тех несчастных странников, которые могут случайно попасть в их круг. Горики также обитают в замке Морле, но там они не выше фута и живут под зданием, в норах. Они владеют сокровищами не менее обильными, чем те, которыми славятся гномы Норвегии или Германии. Иногда они делятся своими сбережениями со смертными, которым, однако, позволено взять с собой лишь то, что те могут унести в руках. Если кто-либо из этих людей попытается забрать больше, деньги исчезают, а невидимые руки бьют жадных смертных по ушам.

Ночные мойщики – также злые духи, появляющиеся по ночам на берегах рек. Они просят прохожих помочь им постирать саваны умерших. Если человек им отказывает, хватают его, затаскивают в воду и ломают ему руки. Эти существа, вероятно, похожи на Бенни, Белую Прачку, шотланд-

ских горцев, которую можно встретить в уединенных местах недалеко от пруда или реки и увидеть, как она стирает одежду тех, кто вскоре должен умереть. Жители острова Скай считают, будто она маленького роста. Если ее поймать, она расскажет обо всем, что ждет человека в потустороннем мире. В Пертшире о ней говорят как о «маленькой и полной, одетой в красивую зеленую одежду».

Теурсты

Крестьяне, живущие в округе Морле, ужасно боятся существ, которых они называют теурсты. Они большие, страшные и черные, похожи на шотландских урисков, населяющих пустоши и горные долины. В области Ванна верят в огромного духа по имени Теус, или Бугельноз, который появляется в белой одежде между полуночью и двумя часами ночи. Он спасает людей от дьявола. Если он раскроет над ними рот, отец зла не сможет ничего им сделать. Святой Августин упоминает галльских дузиев, говоря, что они являются инкубами. О них говорит и Исидор Севильский. Вероятно, именно от их названия происходит выражение «The deuce!» («Черт!» – *Пер.*).

Николя

Николя – один из недавно «появившихся» духов. Он мучит честных рыбаков на побережье Сен-Бриё и Сен-Мало. Когда те уже собираются вытянуть сети, этот озорной дух подбирается к ним и выпускает рыбу. Еще ему очень нравится снимать лодку с якоря, чтобы она села на мель. Он также может отвязать якорь от лодки. Этот дух назван по имени офицера, который командовал батальоном рыбаков-новобранцев. Из-за своей чрезмерной жестокости и придирчивости он стал пользоваться дурной славой у моряков.

Муриоше

Муриоше – это вредоносные демоны-чудовища, которые, судя по всему, могут превращаться в любое животное. Обычно они похожи на старых ослов. Особенно опасны для детей, поэтому, если те плохо себя ведут, их обычно пугают словами: «Если не будешь слушаться – за тобой придет муриоше!» О том, кто выглядит сильно испуганным, также обычно говорят: «Он видел муриоше». Человеку, попавшему на пути этого существа, можно посочувствовать, но вдвойне несчастен тот, кто попытается сесть на него, решив, что перед ним обычный осел, потому что, прокатив своего

седока быстрым галопом, демон сбросит его в пропасть, и тот сломает себе шею.

Анку

Возможно, нет другого такого злого духа, которого бретонские крестьяне боятся больше Анку, путешествующей по графству в повозке и собирающей души. Темной ночью можно услышать скрип ее оси. Она останавливается у двери и призывает душу. Та выходит из дома и садится в повозку, которая тут же отъезжает. Сама по себе Анку, бретонский ужасный дух смерти, вероятно, женского рода. Ее обычно изображают в виде скелета. М. Анатоль ле Браз посвятил изучению этого образа целую книгу о бретонских легендах о смерти. Вполне возможно, что Анку – это «потомок» богини смерти древних строителей дольменов. Мак-Каллох считает, что Анку – воплощение кельтского бога смерти, который правит в загробном мире и забирает души покойных в свое царство, претерпевшее значительное влияние средневековых представлений о смерти как о скелете. В некоторых бретонских церквях можно даже увидеть небольшую статуэтку Анку, которая представляет собой тщательно вырезанное изображение скелета. О том, что рассказы об Анку возникли в среде крестьянства, свидетельствует замена повозки или телеги более престижной каретой.

Йодик

Многие бретонские легенды – темные и мрачные, как глубины леса, в которых было создано большинство из них. В них говорится о различных проявлениях зла. Большинство сказок исполнено меланхолии. Действительно, в истории Бретани вряд ли можно найти события, которые побудили бы жителей графства увековечить свою радость в легендах.

В горах Аррэ лежит обширное и мрачное торфяное болото, известное под названием Йон. Обитатели Бретани на протяжении долгого времени верили в то, что здесь расположен вход в ад. Этому бретонскому Стиксу посвящено множество легенд. Действительно, место это крайне примечательно. Летом оно кажется огромной пустошью, покрытой красочным сиреневым вереском. Путешественник может пройти здесь до определенного места, но горе тем, кто решит продвинуться дальше, потому что твердая почва под ногами может оборваться и перейти в коварную трясины, которую местные жители считают бездонной. Эту часть болота, погубившую очень многих, называют Йодик. Если приблизиться к ней, можно увидеть, как бурлит и кипит в ней вода. Местные крестьяне считают, будто это значит, что под трясиной безумно веселятся силы ада. Только присутствие святого Михаила, находящегося, по их мнению, неподалеку,

останавливает их и не дает нанести вред тем, кто пересекает Йон.

Об этом странном водовороте из грязи и пузырящейся воды рассказывают множество легенд. Некогда даже существовал обычай бросать в его черные глубины животных, подозреваемых в том, что в них вселился злой дух. Злобные демоны, как считалось, могут превращаться в огромных черных псов и других подобных животных. Если одно из них попадало под подозрение, то несколько священников приводили его прямо к Йодику и бросали в черную бездну со всеми подобающими для такого случая церемониями.

Типичной для этих мест стала история о церковном стороже, который помогал приходскому священнику общаться со сверхъестественным. Однажды вечером, после заката, он вместе со священником отправился к мрачным водам Йодика, таща за собой огромную черную собаку из тех, что вызвали у святого отца больше всего подозрений. Священник очень волновался, как бы пес не порвал повод.

– Если зверь освободится, – взволнованно сказал он, – мы оба погибли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.